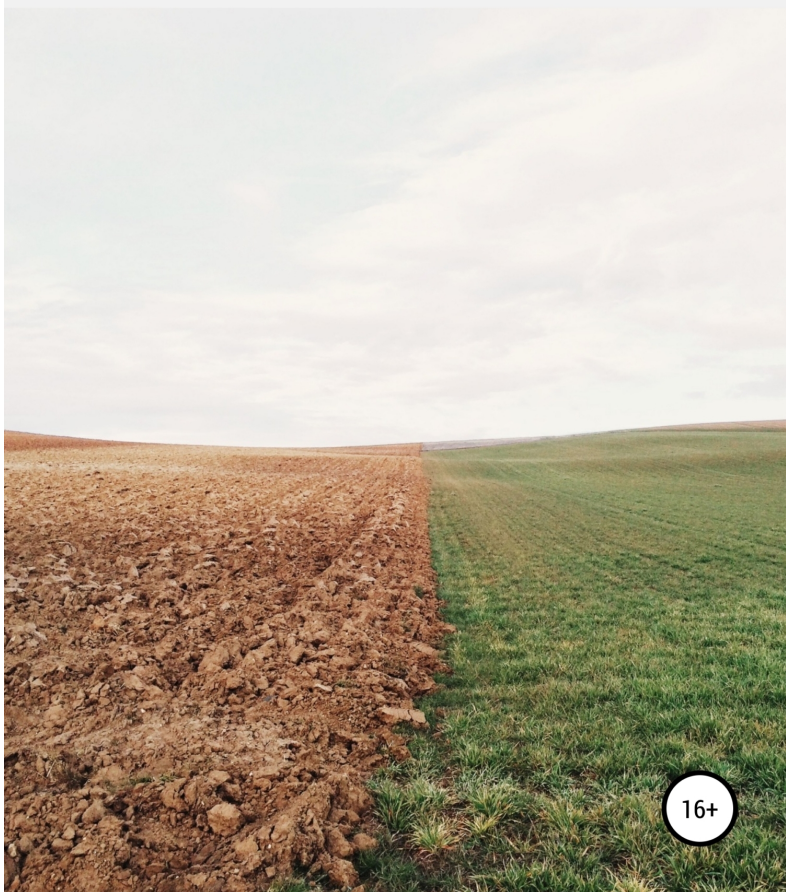

Алексей Курилов

Почувствуй разницу

16+

Алексей Курилов

Почувствуй разницу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67811445

SelfPub; 2022

Аннотация

Люди всегда стремятся увидеть или услышать как можно больше, используя микроскопы, телескопы и усилители звука, но так ли мало мы действительно слышим и видим? Что, если во всем виноваты не наши глаза и уши, а наш мозг, который настойчиво отбрасывает большую часть информации, сосредотачиваясь на чем-то одном.

Содержание

Оригинал	4
Разница	26
Пробуждение	88

Алексей Курилов

Почувствуй разницу

Оригинал

Когда ты учишься в институте, то самое сложное это успеть. Нужно успеть так много, а времени постоянно так мало, что естественным желанием становится получить тридцать шесть часов в сутках.

Утром нужно успеть в институт, желательно при этом чем-то позавтракать или хотя бы выпить кофе, потому что организм не понимает почему он просыпается когда звонит будильник, а не когда он выспался. В институте нужно успеть поговорить с друзьями перед парой, можно и на паре, но это чревато. На лекциях нужно успеть все законспектировать, любой студент подтвердит, что лучше своего конспекта может быть только конспект отличницы.

На семинарах и лабах нужно успеть создать правильное впечатление отличника, ведь чем лучше запомнят твои ответы, тем реже тебя будут спрашивать. А если вдруг случилась летучка или контрольная, то нужно успеть списать то, что не смог вспомнить. Ну или хотя бы успеть спрятать шпору, пока не прилетело за списывание.

После пар важно успеть еще больше! Нужно успеть по-

обедать и закинуть вещи домой. Если грозит зачет или что-то подобное, нужно успеть подготовиться, а главное успеть с друзьями. Куда именно – это не столь важно, да и не всегда можно правильно спланировать, чем все закончится. Иногда поход в кино плавно перерастает в бильярд, а затем и в клубный рэйв и все надо успеть!

Жизнь летит как скорый поезд, а ты лишь догоняешь, и как только вскакиваешь в вагон, оказывается что надо бежать дальше, и это вовсе не вагон, а лишь очередной перон и ты бежишь, а куда деваться? Бежишь и снова запрыгиваешь, если догнал.

Ну а если и не догнал, то просто поднимаешь высоко руку и резко опускаешь ее со словами: “А и хрен с ним!”, как в одном старом фильме из детства. Главное, что в это время всегда есть уверенность, что будет другой поезд, а пять минут передышки не так уж плохо. Поэтому иногда выходит, что: “пойду ко второй паре”, “завтра встретимся”, “все равно дождь начался”. Привыкнуть к этому сложно, практически невозможно.

Каждый день наполнен видами, вкусами и самое главное эмоциями, которые просто невозможно передать. Нельзя объяснить человеку или описать словами то чувство, когда ты приходишь в институт и внезапно осознаешь, что бумажник остался дома, а значит ты сегодня на диете. Как нельзя передать ощущения, когда ты сидишь в аудитории и тебе невыносимо скучно, а от голоса лектора хочется спать и

периодически ты ловишь себя на раздвоенной картинке перед глазами. Мозг спит, а ты нет, и это по настоящему сказочное ощущение, словно мозг это не ты сам, а просто твой орган, как рука или палец.

Такая жизнь буквально подталкивает на безумные поступки, они просто обязаны существовать в жизни любого человека, как говорится: “Чтобы было что вспомнить в старости”. Да, большая часть этих безумных поступков смешна, а некоторые даже опасны, но ошибки надо совершать чтобы понять, что это были ошибки. Это своего рода фильтр, замена естественному отбору, кто выжил и образумился – стал взрослым, а кто нет... Как говорится: “Ну нет, так нет...”

В такие моменты начинает казаться, что ты чувствуешь каждую клетку своего тела, как они двигаются, дышат, делятся, как они живут. Воздух пьянит и пахнет сухой полынью или цветущей яблоней, даже когда идет дождь ты чувствуешь этот яркий запах мокрой пыли, что поднимают первые крупные капли дождя. А еще ты видишь волны на местном водохранилище впервые в своей жизни и чувствуешь как они пахнут тиной и чем-то странным, но это навсегда останется с тобой.

Весь мир сияет, пахнет, звучит и ощущается всеми фибрами души, словно концерт, фестиваль ощущений и эмоций, который никогда не кончится. По крайней мере в то время кажется, что он никогда не кончится. Иногда количество адреналина, дофамина и прочих “инов” так зашкаливает, что

организм просто перестает понимать что происходит. В какой-то момент внутренний голос сдается, поднимает руку, ну и дальше по сценарию.

Ближайшая неделя никак не была распланирована, должен был быть институт, ну а как же без него. Планировался один день рождения у подруги одногруппника, но как-то вяло планировался. Сначала он всех спросил кто придет, потом дал заднюю и начал объяснять, что непонятно где праздновать, потом вроде как договорились, что каждый сам за себя, а с него только подарок. В итоге решили, что идем в кафе, а потом просто все скинемся и тут он заглох. Может поругался со своей, а может ей не понравилась идея большой тусовки, в общем как-то невнятно все стало с днюхой.

Помимо института ничего особенного не планировалось, сплошная импровизация, которая зависит только от того что будет происходить с самого утра. Иногда кто-то звонил и буквально выдергивал из одного состояния в другое чем-то вроде: “Ярик, ты че делаешь? А не важно, давай к нам, тут Людка и Светка и Светке скоро будет очень скучно, понимаешь о чем я?”, и мир сразу менялся, он переставал быть походом в магазин за колбасой, яйцами и хлебом и превращался в увлекательное приключение. Сама судьбы бросала вызов и надо было непременно на него отвечать.

Но ранним утром телефон молчал, если, конечно, не считать будильника, который безжалостно растоптал прекрасный сон про какую-то далекую страну и выдернул в дождли-

вое утро. Дождь был настолько противным, что только увидев его в окно я натянул одеяло и понял, насколько сильно замерз. Будильник продолжал настаивать и выключив этот бессердечный аппарат, я встал с кровати. Впрочем, встал я вместе с одеялом, нам было еще слишком рано расставаться. Шлепая босыми ногами по полу, я добрел до кухни и наливая чайник внезапно осознал свою ошибку. Нужно было по пути заглянуть в туалет, прежде чем слушать как льется вода в чайник.

– А к черту, мне и половины хватит! – выкрикнул я в пустоту и поставил чайник закипать.

Почистил зубы, привычно любуясь в зеркало на сонную физиономию, а затем привычно прополоскал рот и улыбнувшись подмигнул сам себе. Конечно, радоваться пока было особо нечему, впереди был пеший поход до метро, а затем еще и от метро до института. Если повезет, то обойдусь капюшоном, если же нет, придется весь день таскаться с зонтиком по институту, стараясь не посеять его в какой-нибудь аудитории.

Чайник призывно пискнул и я налил полную кружку кипятка. Опустил в нее пакетик с чаем, я стал изучать как он заваривается и расплывается, окрашивая воду в бурый цвет. Что из этого чай, а что краситель было не важно, главное напоить свой организм после вчерашнего. А что собственно вчера было-то?

Сначала мы пошли к Колянцу, он сказал, что родители сва-

лили на дачу и можно спокойно посидеть у него. Потом оказалось, что родители дома и мы отправились в парк, дабы не мозолить глаза соседям на детской площадке. А потом вроде как по домам разошлись, ничего особенного. Коля жаловался, что ему надо готовиться к чему-то там, физика или химия, а я решил что надо дать организму передышку. Вроде больше ничего не было.

Хотя нет, пиво было, мы его в парке взяли и там же и прикончили, но это не много же, я же домой сам приехал и даже не стеснялся в метро, что от меня разит на километр, а значит пива было не много.

Тем временем чайный пакетик четко разделил кружку на темный низ и светлый верх и пора было его перемешать. Я привычно бросил пару кубиков сахара, рассматривать как они осыпаются под действием кипятка уже не было времени, а потому я безжалостно размешал его ложкой, не особо стараясь держаться в рамках приличия и громко бряцая по стенкам кружки.

Залпом опустошив кружку, я закинул рюкзак за плечо и отправился в институт. В какой-то момент своей учебы я выработал оптимальное наполнение рюкзака, которое удовлетворяло любому дню недели. При этом мне всегда чего-то немного не хватало, но я не складывался пополам, нося его с собой.

Добравшись до института я как обычно заглянул в расписание, на случай его спонтанного изменения и отправился на

второй этаж. Аудитория была заполнена примерно наполовину, я пробежал глазами по знакомым лицам и присмотрел себе место рядом с Толиком, который хоть и был отличником, но не являлся занудой. С ним всегда было о чем поговорить во время скучной лекции, а если и нет, то сыграть в морской бой или точки уж точно можно.

– Толян! рядом с тобой кто-то сидит? – громко крикнул я, заметив что он смотрит в мою сторону.

Толя молча переложил свой рюкзак по другую сторону и пригласил меня махнув рукой. Пользоваться ноутбуком на лекции было запрещено, уж почему я не знаю, но таковы были правила. Да и не у всех они были, если честно, но Толя давно нашел как обойти это. Он просто ставил телефон на запись и оставлял его поближе к лектору, а затем прогонял все через распознавание речи и получал самый подробный и смешной конспект в институте. Большую часть ошибок мы правили общими усилиями, но порой текст оставался достаточно смешным и после этого.

– Как жизнь? – буднично поинтересовался Толик.

– Да вроде пока ниче, идет потихоньку, куда она денется. Сам как? – на самом деле я не особо дружил с Толиком и скорее спросил из вежливости.

– Норм. Слушай, тебе нужны деньги? – внезапно и без особой подготовки спросил Толик.

– Всем нужны, ты с какой целью интересуешься?

– Есть одна тема... Ты знаешь что такое двойное слепое

тестирование?

– Тестирование чего?

– В общем у меня есть знакомый, он в фармацевтике работает... – договорить он не успел, так как началась лекция.

– Я никакую наркоту принимать не буду, даже за деньги, я знаю чем это кончается, – прошептал я.

– Да никакой наркоты, ты чего? Серьезные ребята, они вообще психологи.

– Вот-вот, у меня трое таких психологов во дворе, они как утром напсихочутся, так весь день глюки ловят. А было, между прочим, четверо! Догадываешься где четвертый?

– Да нормально там все, они перцепцию изучают, а не психоделики всякие.

– Перцепцию? – удивился я, – это с какого боку?

– Да я сам толком не понял, но это что-то безвредное.

– А чего сам не пошел?

– У меня зрение минус три и ухо одно плохо слышит, как оказалось. Сказали не подхожу.

Толик сунул мне визитку с телефоном и кивнул, типа позвони. Дабы его не обижать, я сунул визитку в карман и решил, для разнообразия, немного послушать лектора. Тема была не из занудных, рассказывали о ядерном распаде и взаимоотношения различных частиц в ускорителях. Вряд ли это будут спрашивать на экзамене, а потому можно было просто послушать.

Второй парой было окно, у препода что-то случилось и он

резко испарился, успев лишь предупредить деканат, отчего в расписании никто ничего не менял, а вместо этого послал гонца в аудиторию и через десять минут после начала семинара нас обрадовали, что мы свободны на ближайшие полчаса.

Поскольку торопиться было совершенно некуда, я достал визитку и набрал номер. Сначала трубку долго не брали, я даже было подумал, что Толик решил пошутить или что-то перепутал.

– Алло, – вдруг спросили мужской голос.

– Здравствуйте, я вам звоню... Точнее, мне дали вашу визитку потому что у вас там какой-то эксперимент и вам нужны добровольцы, вроде как.

– Молодой человек, вы кто? – упорно повторил голос.

– Так я и есть этот самый доброволец, но я хотел бы прояснить некоторые моменты.

– Какой доброволец, о чем вы?

– В общем мне ваш номер дал друг, сказал что вы что-то тестируете, но он не подходит, потому что у него зрение плохое и ухо одно плохо слышит.

– А! Перцептуальный блокатор фильтра восприятия? Вы по этой теме?

– Понятия не имею, вам виднее. Скажите, а это не противозаконно? Мне стоит опасаться милиции или чего-то такого?

– Вы на каком факультете учитесь?

– Физический факультет, потом в НИИЯФ наверно пойду, а что?

– Ну тогда, по простому: нет, это не опасно, это не наркотики и ничего такого с вами не случится.

– А гарантии?

– Мы с вами заключим контракт и в случае чего всегда поможем, но вы не первый и пока никаких проблем не было.

– Вы меня положите в больницу?

– Нет, изоляция не предусмотрена, приезжайте, мы вас для начала обследуем, а потом уже все расскажем.

Я посмотрел куда мне ехать, по сути это было всего три станции от института, а значит за полтора часа уж точно успею. Нужно было только принять принципиальное решение, нужно это мне или нет. С одной стороны, это интересно и за это платят, а с другой мне было страшно. Вдруг у меня аллергия на этот их препарат или какая-то несовместимость? А если это и вправду наркотик и меня сразу на выходе милиция примет? Доказывай им потом, что я не верблюд, но, не смотря на сомнения, решил все же съездить.

Здание было невысоким, обычное советское строение из режущего глаза серого бетона и странных дизайнерских решений. Словно хотелось сделать красиво, но пришлось строить из железобетона, отчего вылет козырька вместо легкой конструкции больше напоминал щит от ядерного оружия толщиной в метр. Некогда украшавшее здание плитка местами отвалилась и все здание зияло проплешинами, а на ас-

фальте валялись осколки былой роскоши. Единственное, что радовало глаз и хоть как-то выводило из ощущения ожившего Ленина были деревца. Тонкие березки аккуратно посаженные вокруг этого бетонного монстра, словно прикрывая его фиговым листком.

Я поднялся по обшарпанным ступенькам на крыльцо и пошел на проходную. Охранника не было, но турникет был закрыт, а потому проще было еще раз позвонить.

– Алло, – вновь услышал я тот же голос.

– Еще раз здравствуйте, я приехал.

– Поздравляю. Куда?

– То есть как куда, вы же сами мне адрес дали, эксперимент, помните? – удивился я.

– Какой именно эксперимент, вы о чем?

– Какая-то там перцепция. Я на проходной, тут нет никого.

– А, понял, сейчас спущусь.

После чего трубку положили, словно это был не мобильный телефон, а такой же старый как само здание проводной и его нельзя было взять с собой, пока спускаешься по лестнице. Впрочем, скорее всего говорить больше было попросту не о чем, в такие здания обычно был лишь один вход с проходной.

Я на всякий случай поставил себе напоминание, чтобы не опоздать вернуться обратно. Прогуливать третью пару мне сегодня не хотелось совершенно, а потому я просто отмерял

себе ровно столько же времени чтобы вернуться, сколько я потратил на дорогу сюда. Все просто, раз в одну сторону я добрался за двадцать минут, то и обратно мне потребуется столько же.

– Это вы сейчас мне звонили? – поинтересовался мужчина в забавных очках в роговой оправе и подошел к турникету с другой стороны.

– Наверно, не уверен что вам, но я только что звонил, это факт.

– Перцептуальный блокатор фильтра восприятия?

– Да, это я, – услышав знакомый набор слов, согласился я.

– Отлично, – мужчина приложил пропуск с моей стороны турникета и тот радостно пискнул. – Проходите.

– Серьезная у вас тут охрана, – решил пошутить я.

– Да тут воровать нечего, разве что макулатуру, это так, от продавцов всякой ерунды, да от спамеров разных. А то бывали случаи, выходишь из лаборатории а тебе в коридоре пирожки предлагают купить.

Я не до конца понял шутит он или нет, но мы двигались достаточно резво по коридорам, петляя в самых неожиданных местах. Здание больше было похоже на муравейник и я готов был поклясться, что половина кабинетов слепые, без окон на улицу, впрочем, я не видел как выглядит это здание внутри и есть ли у него внутренний двор.

Дойдя до распахнутой двери, меня пропустили вперед, указывая рукой и мужчина громко крикнул:

– Аннушка, проверьте молодому человеку зрение, слух и стандартный неврологический на физиологию, – затем он посмотрел на меня и добавил, – ну все, жду вас минут через десять в соседнем кабинете.

Аннушка оказалась весьма общительной пышной дамой лет пятидесяти, которая усадила меня на стул напротив стандартной таблицы “ШБ МНК”, которую любой школьник знал с самого детства, и попросила прочесть четвертую строку. Как и предполагалось, с этими тестами у меня проблем не возникло.

Всегда было интересно, почему у людей дергается нога, когда по ней бьют молоточком, это что? Ошибка природы и такого было не должно, но так случилось или это так и было задумано, а мы узнали об этом случайно?

– Все нормально, вы подходите, так что можете проходить.

– Скажите, а это не опасно? – тихонько поинтересовался я.

– Боишься, не делай, а делаешь не бойся – слышал такое?

– Нет, это какой-то классик сказал да?

– Говорят, это были слова Чингисхана, но кто его разберет. Нет, не опасно.

– А чего вы сами не это самое... Ну, не подопытные?

– Во-первых, нам нельзя, мы знаем как это работает.

– А во-вторых?

– Нам никто не поверит, а мы хотим опубликовать результаты на международном форуме и получить грант на даль-

нейшее исследование. Понимаешь, если все работает так как надо, а мы в этом уверены, то это будет просто прорыв в изучении психологии и понимании того, как устроен человек.

– Ага... а вы в этом уверены, потому что...?

– Само собой мы его испытывали, но никаких результатов сказать не можем. В общем, решайся или в соседний кабинет или на выход.

Я сидел и обдумывал предложенный выбор и в этот самый момент зазвонил мой будильник, напоминая мне о том, что пора бы и честь знать. Я быстро встал, накинул рюкзак и решил все же заглянуть в соседний кабинет. В крайнем случае, что я теряю? Отказаться я могу в любой момент, никто ведь не будет вливать в меня это лекарство насильно.

– О! Ну как? – обрадованно произнес мужчина в очках, который меня встречал.

– Сказали, что все хорошо, я подхожу.

– Отлично, отлично. Значит вот вам дневник, я надеюсь вы будете добросовестно записывать все, что... В общем все, что посчитаете необходимым, а это, так сказать, аванс.

– Ого! – удивился я, когда увидел деньги. А чего так много, это точно не опасно?

– Понимаете, у нас очень поджимают сроки, через месяц нам надо уже подготовить доклад, а у нас всего два добровольца, это если считать вас. Нужно было хотя бы десять человек, но мы не успеваем. Поэтому мы просто возьмем два ваших дневника и напишем обобщенный отчет.

– Ага, то есть я получу за пятерых?

– Что-то вроде того. Ну и у нас есть собственные наблюдения, которые мы официально использовать не можем, но общая клиническая картина нам уже ясна, так что... С материалом проблемы быть не должно, но одно испытание это уж прямо совсем ни в какие ворота, сами понимаете.

– Хорошо, давайте для начала заполним документы, мне нужен какой-то документ, у вас есть паспорт?

– Нет дома, но есть студенческий.

– Если с фотографией, то пойдет.

Я протянул студенческий и принялся читать копию договора. В общем-то ничего особенного, из обязанностей было только тщательно и подробно составлять дневник, не стесняясь никаких интимных подробностей, а в случае недомогания или странных ощущений, требовалось оставаться дома и вызвать специалистов.

Телефонов для вызова специалистов было целых два и один из них был мне знаком по визитке. Судя по всему штат у них не очень-то большой и второй телефон, скорее всего, принадлежал Анне, что проводила тестирование моего организма в соседнем кабинете.

– Ну как, ознакомились? Все в порядке?

– Да я первый раз, но вроде как да, все в порядке. Скажите, а это что будет? Таблетка, сироп или как?

– К сожалению, это будет укол, не самая приятная процедура, но зато надежная.

– В вену?

– Нет, в мягкие ткани, можно в ягодицу, можно в бицепс – как вам удобней.

– Мне еще в институт сегодня, это как, нормально? Мне там плохо не станет?

– Вещество своеобразное, я попрошу вас не употреблять алкоголь, это не противопоказано, но поверьте так будет лучше. Вещество подействует не сразу, скорее я бы делал ставку на завтрашнее утро, а ближе к полудню вы сможете уже что-то занести в дневник, сравнив свои ощущения до и после.

– До и после чего, простите?

– Например сегодня и завтра, потому что завтра у вас будет больше ощущений, понимаете?

– Не совсем, – испуганно ответил я, начиная сомневаться, что я этого все еще хочу.

– Поймите, я не могу раскрывать сути эксперимента, иначе это может повлиять на ваши ощущения и мы получим ровно то, что я вам расскажу, а смысл ведь не в этом.

– А если мне понравится? Если я подсяду на это ваше вещество?

– О, поверьте не подсядите, хоть это и не в моих интересах, но я могу вас заверить это будет не то, чтобы приятно. Скорее это будет очень необычно, но до безумия буднично, я испытывал его на себе и второй раз могу испытать, но хочется ли мне этого – скорее нет, чем да.

– Мне будет больно?

– Нет, у вас молодой организм, хронических заболеваний нет, не должно быть больно, просто... Простите, я правда не могу описать как это будет, но я всегда на связи и вы можете звонить мне по любому поводу. Только сначала я бы рекомендовал записать ощущения в дневник, а потом уже звонить мне, так будет правильней.

Деньги были и правда большие, машину на такое не купишь, но где-то на месяц или даже два их хватит. В этот момент отложенный будильник напомнил, что я уже опаздываю на пять минут и пришлось принимать быстрое решение.

– Где подписать? – в итоге спросил я, дабы не растягивать решение.

– Внизу, где ваша фамилия и инициалы.

– Скажите, а мне подписывать где фамилия или где написано “заверил” и место для печати?

– Заверин – это я, Заверин Михаил Павлович, приятно познакомиться, – улыбнувшись произнес мужчина и протянул мне руку.

– Простите, – растерянно ответил я и быстро подписал договор.

Михаил подписал бумаги со своей стороны и вернул мне мою копию.

– Ну все, с договором и дневником жду вас завтра или послезавтра, очень вас прошу, уделяйте время дневнику, это правда важно.

– А укол?

– С этим к Анне, я думаю она вас уже ждет.

Я вышел из кабинета и заглянул в соседнюю дверь.

– Можно? – спросил я, заметив, что в кабинете никого нет.

– Да, заходите, я сейчас, – раздалось из-за внутренней двери.

В этот раз Анна вышла ко мне в маске, с одноразовым шприцем в одной руке и ваткой в другой.

– Куда будем колоть?

– Давайте лучше в руку, мне так как-то спокойней будет.

– Мне все равно, закатайте рукав.

Я задрал рукав и принялся ждать боли, но видимо Анна была профессионалом и ничего особенного я не почувствовал. Укол прошел практически незаметно, я больше почувствовал как защипало от спирта после укола, но это было скорее облегчение, что все закончилось.

Подхватив дневник, точнее блокнот, который должен был стать дневником, я отправился в институт, запоздало понимая, что опаздываю на пару минут на десять как минимум. В институте все было как всегда, я буквально вполз в аудиторию прикидываясь невидимкой и прокрался на ближайшее свободное место. Прослушав очередную пару, я решил ограничить сегодня себя от всевозможных приключений, а потому отправился напрямик домой.

Первое время я ничего не чувствовал, если не считать, что плечо начало потихоньку ныть и немного чесаться, но ничего необычного. Впрочем, врач предупреждал, что все

интересное начнется только завтра. Открыв холодильник я в очередной раз убедился, что еда сама в нем не растет, а потому мой ужин был прост как никогда.

Говорят, что изобретатель этого блюда родился на Тайване, и в то время был голод по всей стране, это и натолкнуло его на поиски простой и надежной еды. В этот раз я не стал повторять своей ошибки, а потому, набирая в чайник воду, я был спокоен и собран. Щелкнув выключателем, я сел за стол и принялся сдирать плотный полиэтилен с упаковки. Пленка была хорошо натянута и мне никак не удавалось подцепить хоть краешек, а оплавленные углы были слишком прочные, чтобы можно было их легко порвать.

– Ах вот ты значит как, да? Ладно... – пробубнил я непокорной упаковке и вытащил из ящика вилку. – Посмотрим, что ты скажешь на это...

Зубья вилки легко вспороли полиэтилен и как только в нем образовался разрыв, мне удалось быстро разорвать пленку, скомкать ее в небольшой шарик и бросить в ведро.

– То-то! Еще ни одной упаковке не удалось избежать открытия!

Разговаривать с самим собой возможно было странно, но так уж сложилось, что сейчас это было единственное развлечение. Я заранее поставил телефон на бесшумный режим, чтобы никому и в голову не пришло выдернуть меня куда-то перед завтрашним днем. Мне показалось, что совет не употреблять алкоголь был искренним и скорее даже житейским,

нежели попыткой запугать, дабы я не забил на дневник.

Чайник пропищал о своей готовности, я открыл пластиковую крышку с пенопластовой коробки и ловко вытащил два пакетика и уродливую одноразовую вилку. Лапша была как обычно кудрявая и лежала плотным брикетом на дне упаковки. Высыпав оба пакетика прямо по середине, я принялся лить кипяток напрямиком в центр получившейся конструкции. Выглядело это так, словно я проводил древний обряд чайной церемонии, а не заваривал копеечную лапшу.

Когда уровень достиг услужливо отмеченной полоски на стенке посуды, я закрыл крышку и включил секундомер на телефоне. В инструкции, как правило, указывали время приготовления три минуты, но мне нравилось когда она немного не доготовлена, а потому я вывел для себя ровно две минуты сорок секунд. Это то самое время, которое я называл “доширак альденте”. Некоторые считают, что так полезней, мне же просто нравится, когда лапшу надо раскусывать зубами и она не разваливается под вилкой.

А вот специи меня всегда удивляли, в тот момент, когда завариваешь лапшу они восхитительно пахнут. Чувствуется запах куриного бульона, всякие травки и сушеные овощи, все это возбуждает аппетит и хочется съесть все как можно скорей. Но на следующий день тот же самый запах начинает раздражать. Он буквально бесит самим своим присутствием, он всверливается в нос, уничтожает все прекрасное, что было вчера и заставляет сожалеть о том, что ты съел. Ужасный

контраст от которого я так и не нашел способа избавиться, кроме как есть лапшу где-то еще, кроме как на кухне.

Поэтому, я подхватил вилку, пенопластовый поддон и отправился на балкон, единственное место в моей небольшой квартире с естественным проветриванием. На улице было по-прежнему хмуро, но дождь так и не соизволил начаться. Быть может ночью, когда жара немного спадет, погода испортится. Впрочем, если это произойдет ночью, то для меня это не будет “испорченной погодой”, скорее даже наоборот, утром будет приятная прохлада.

Лапша была прекрасна на вкус, насколько это вообще возможно в таких примитивных блюдах. Бульон я пил через край, больше всего мне нравилось, что он был приятного соленого вкуса и можно было запить пресноватую лапшу. Все же, на мой вкус, лапшу невозможно было заварить кипятком так, чтобы она была достаточно соленой.

Покончив с лапшой и допив бульон, я отправился на кухню и помыл вилку. Еще один плюс такой еды, это практически полное отсутствие грязной посуды после. У меня даже была идея закупить одноразовой посуды и избавиться от мытья навсегда, но идея каждый день питаться только из пластика мне быстро надоела.

Помаявшись немного от безделья, я отправился спать, с одной стороны, я опасался того, что наступит завтра утром. С другой стороны пока ровным счетом ничего не происходило и это начинало меня настораживать. Ведь это значит что

препарат не работает или работает не на всех, а писать это в дневник я совсем не хотел. Если я просто напишу: “ничего не происходило, день как день”, – это может сойти за халтуру, а большая часть денег еще только ожидала меня. Согласно договора, я получил лишь четверть причитающегося и мне очень хотелось получить оставшиеся три четверти.

Разница

Поутру я проснулся от яростного ора, словно кто-то ночью выкрал меня и вынес на стадион, при этом шел яростный футбольный матч и болельщики, не щадя своих глоток, орали кто как мог. Я лежал на подушке и слушал, это была неистовая какофония: орали птицы, где-то шумела сигнализация, дул ветер. Кто-то сверху забивал что-то в стену, из подъезда было слышно шаги, а еще коляску, ее спускали по ступенькам с четким бам-бам-бам. Я еще не открыл глаза, а моя голова уже взрывалась от всех этих звуков, что-то вроде сильного похмелья, только без приятных воспоминаний о вчера.

А еще этот запах, да, я ожидал, что буду чувствовать противный запах вчерашней лапши, но это было не все. Я чувствовал как пахнет подушка, она пахла немытой головой, и одеяло, которое отдавало запахом перьев и чем-то кислым, а еще я чувствовал запах чая, не свежесваренного, а хорошо настоянного чая. А еще был запах совсем уж незнакомый, пахло горелым металлом, словно кто-то пилил стальной прут неподалеку. Пахло цементом и свежими цветами, стриженной травой и какими-то фруктами. А еще, пахло мусором, я было подумал, что это пахнет с улицы, но запах был слишком сильным.

Я чувствовал простыню, на ней были складки и они яв-

но оставили на теле вмятины. Одеядло касалось моего тело не везде и от этого казалось, что оно висит в воздухе, лишь изредка опираясь то тут, то там. А во рту творился сущий ад, я чувствовал вкус перца, что застрял между зубов вчера, крохотная песчинка, которую я без труда нащупал языком и чуть было не обжег его выковыривая ее из зубов. Вкус собственной слюны раздражал, она была такая липкая и одновременно пахла водяным паром. Какие-то остатки лапши давали привкус разложившегося теста, я буквально чувствовал как бактерии поедают эти мелкие кусочки и выделяют неприятный запах.

С этим нужно было что-то делать и я открыл глаза, не могу сказать, что это было ошибкой, скорее это было неизбежно, но ощущения только усилились. Резкий свет резанул по глазам и я увидел все и сразу. Разобранная кровать, белый с трещинами в трех местах потолок, шкаф с книгами которые я никогда не читал, когда я снял квартиру они уже стояли на полках. Люстра, что родилась раньше чем я и, возможно переживет меня просто вися на этом крюке, ярко поблескивала хрустальными висюльками, отражая свет льющийся через окно.

Я видел, слышал и чувствовал все это неотрывно, стоило мне отвлечься на что-то одно, как все остальные чувства тут же напоминали о себе наперебой сообщая новую информацию. Будильник во всей этой суматохе звучал как маленький штрих, дополняющий общий хаос ситуации и напоми-

ная о том, что начался новый день. Я взял телефон, чувствуя бархатистую поверхность чехла и каждый грамм его веса в своей руке. Протянул палец и ткнул в экран, он был холодный, глянцево гладким и немного проскальзывал под пальцем. Будильник моментально заткнулся, но окружающий мир нет. Мир продолжал давить, кричать и впиваться в меня со всех сторон острыми пиками запахов, блеска и звуков.

В голове блеснула мысль: “Нужно почистить зубы”, – невозможно жить с такой вонью во рту. Я откинул одеяло и почувствовал как волна воздуха пробежалась по телу, обдувая чуть вспотевшую кожу. Часть тела ощущала прохладу от ветра, а другая жар от простыни которая прогрелась от тела за ночь. Я опустил ноги на пол и ужаснулся своему полу. В ногу впилась, по меньшей мере, сотня маленьких камушков, песок и пыль, да, я ощущал каждую пылинку под ногами, а ведь путь в туалет был не близкий.

Каждый шаг дарил моему организму десятки ощущений, я чувствовал ковер под ногами, каждую ворсинку. В коридоре был ламинат и я никогда даже не представлял себе какой он на ощупь. Он был гладким, покрытый тонким слоем пыли и каких-то мелких кусочков. Один из них так сильно впился мне в ногу и я подумал, что это заноза, а оказалось что это был кусочек грифеля от карандаша – даже не представляю как он тут очутился.

Привычным жестом я взялся за ручку двери и чуть не ах-

нул от ощущений, она была металлическая, холодная и приятно лежала в руке. Я надавил на нее и услышал как напряглась пружина в механизме, а засов скрипнув по запорной планке щелкнул освобождая дверь. Я чувствовал, как петли проворачиваются и слегка вибрируют при открытии двери. И тут случилось ужасное! Я почувствовал запах собственного сортира, пахло застоялой водой из бачка, немного воняло мочой, видимо я не всегда попадал точно в цель. Пахло туалетной бумагой “с запахом ромашки” – никогда не думал, что ромашка может так отвратительно вонять.

А еще пахло старой тряпкой, которая все время, что я себя помнил висела на змеевике и никак себя не проявляла, сейчас же от нее несло старостью, грязью и какой-то ветхостью, что ли. Я вспомнил, что точно такой же запах был у тряпки в школе, когда ее клали на пол у входа в кабинет сразу после того как помыли пол, точно запах картошки! Точно такой же запах был из мешка или пакета с картошкой.

Ну и конечно не обошлось без вездесущей мяты, она не просто пахла, этот запах буквально резал глаза своей настойчивостью. Видимо те мелкие остатки пасты, что остались в раковине источали этот угар. Было еще много разного и запах пенки для бритья, что хоть и была накрыта колпачком, но явно немного вытекла и засохла между дозатором и колпачком, пахло просто канализацией, видать где-то в трубе была небольшая щель и этого мне теперь было достаточно.

Но все это померкло, как только я взглянул в зеркало, я

словно впервые посмотрел на себя со стороны. И это было не просто образное выражение, я увидел самого себя таким, каким никогда не замечал. Было ощущение, что всю жизнь я видел лишь маску, выдуманный образ с фотографий, который каждый раз затмевал мое отражение в зеркале. Теперь же я видел все, нос с тремя прыщиками, которые торчали в разные стороны, лоб на котором тоже был один прыщ, но он был давно и от него осталась лишь небольшая точка с запекшейся кровью.

Мои собственные глаза выглядели как нарисованные, я видел их целиком и каждую деталь отдельно. Ресницы, радужную оболочку, все то, что называют глазом было сейчас набором отдельных частей, словно конструктор, который кто-то заботливо собрал в единое целое. Мои уши забавно торчали из головы, и мне даже показалось, что им тут не место, я прикрыл их руками, оценивая как бы я выглядел без ушей, но нет, с ушами было лучше. Волосы, чей запах я чувствовал до сих пор, торчали во все стороны как копна сена, я мог рассмотреть каждую волосинку отдельно, а мог оценить прическу в целом. Быть может этот препарат и поможет каким-нибудь выдающимся парикмахерам или стилистам, но мне это сейчас только мешало.

Наконец я смог оторваться от зеркала и открыл воду. Запах металла от труб и чего-то дезинфицирующего сразу ударил в нос, не могу сказать, что это было неожиданно, скорее просто неприятно. Никогда не замечал, что вода из под кра-

на может так сильно пахнуть. Если бы еще вчера меня спросили чем пахнет вода из под крана, я бы не знал что ответить, по мне это была “просто вода”, а не что-то за запахом, вкусом или цветом, кстати вкус у нее был тоже металлический.

Первым делом я отмыл раковину, впрочем это лишь сменило один запах другим, но само ощущение, когда я засунул руки под воду, меня поразило. Я никогда не думал, что вода на ощупь липкая, она обволакивает кожу со всех сторон, прилипая к ней словно живая. Я чувствовал как струя воды касается моей руки, как протекает между пальцев и как каплями снизу срывается с кожи и падает в раковину. Наверно я мог бы часами вот так стоять и изучать воду из-под крана, если бы не все остальное.

Плитка под ногами была холодная, а ее рисунок я мог ощутить пальцами ног так отчетливо, словно смотрел на него, никогда не думал, что он выдавлен, наверно просто не обращал внимания. А еще она была кривой, каждая плитка была наклонена в какую-то сторону и всегда в разные. Это просто бесило, неужели так сложно было положить плитку без наклона или хотя бы с наклоном в одну сторону?

Звуки тоже никуда не делись, я слышал как льется вода из-под крана, как она шумит в трубе, проходит через ситечко и разбивается на тонкие струи с пузырьками. Она буквально кипит от этих пузырьков, капли бьют по раковине со всех сторон. А еще у меня оказывается капает вода в бочке и каждый раз когда уровень поднимается, она выливается в унитаз

тонкой струйкой, которая шуршит падая вниз.

Как много я оказывается не замечал из того, что было буквально у меня под носом в прямом и переносном смысле. Я чувствовал усы на своем лице, нет они не шевелились, а просто были, но каждый раз, когда я двигал губой, я ощущал каждый волосок. Мои руки были все еще в воде и я решил, что затягивать дальше смысла нет, пора чистить зубы, терпеть все эти запахи больше не было сил.

Я открыл зубную пасту и даже не удивился тому, как резкий мятный запах ударил в нос, а я ощутил, что тюбик мягкий на ощупь и чем-то похож на комок глины. Я чувствовал тонкий слой металла под пальцами и зубную пасту внутри, которая при сжимании выдавливалась через носик. Я взял свою щетку и провел пальцем по щетине, она была мягкая и одновременно с тем колючая, мне даже показалось, что я впервые делал так со своей собственной щеткой. Выдавил немного пасты, и закрутив тюбик, привычно сунул его обратно в стакан, отчетливо услышав, как он царапнул острыми углами по стеклу и стукнулся о дно.

Набрав в рот воды, я быстро прополоскал его и почувствовал все тот же вкус металла и химии, наверно это была хлорка или что-то подобное, но вкус был странный. А еще я почувствовал, что вода странная, она совсем не такая как слюна, менее вязкая и легко перетекает.

Привычным жестом, я прижал щетку к зубам и чуть было не заорал от ощущений. Паста буквально обожгла мои десна

и взорвалась мятой во рту, я чувствовал ее языком, она была жгучей как перец, волнами ошпаривая язык то тут, то там. Я не уверен, что ощущения стали ярче или сильнее, скорее я просто никак не мог к ним привыкнуть. Обычно, когда паста впервые касается языка, она ярко ощущается, а затем ощущения смазываются, становятся поверхностными и не столь сильными, но сейчас я продолжал чувствовать все так, словно впервые попробовал мятную пасту.

Щетина терлась по деснам и зубам, я слышал и чувствовал как каждый ее волосок проходит вдоль зубов, как они шелкают и вспенивают зубную пасту. Я продолжал чистить зубы, осознавая, что все это лишь мои ощущения, я же не в первый раз чистил зубы, ничего страшного в этом не было и быть не могло. Я на автомате двигал щеткой, каждый раз удивляясь тому, как много я упустил из гаммы ощущений прежде. Запах, преследовавший меня с самого утра, пропал, сейчас я чувствовал лишь запах туалета, который по прежнему окружал меня, и мяту. Мята была буквально повсеместно, ей пахли мои зубы, десна, язык, руки и даже раковина. Она пропитала запахом воздух и казалось невозможным вдохнуть воздух без ее присутствия.

Почистив зубы, я тщательно помыл щетку, убедившись, что от нее больше не пахнет пастой, отложил ее в стакан к пасте. Она звонко стукнула по дну и мне даже показалось, что я слышу короткое эхо этого звука. Я набрал в рот воды и новая волна холода охватила мой рот, мята никогда не ухо-

дит просто так. Сейчас, когда частицы пасты растворились в воде и с новой силой принялись терзать мои рецепторы, я понял как много для вкуса значит вода.

Я попытался хоть как-то отвлечься от вкусов, чувствуя, что мятный холод начинает промораживать меня сверху вниз и решил переключиться на что-то менее активное. Для начала я прислушался и понял, что вокруг меня по прежнему бушует целый ураган звуков, шум воды, где-то на кухне жужжал холодильник, а у соседей начал работать перфоратор. Звук перфоратора не сильно отличался от того, что я слышал не раз в своей жизни, но теперь он просто был не один.

Сейчас это был целый оркестр, который играл жуткую какофонию звуков, словно разыгрывался, настраивал инструменты и вот-вот грянет первым аккордом, но что-то все никак не начинал. Я закончил полоскать рот и убедившись, что место вони надежно занял запах мяты, а во рту у меня бушует лютая зима, от чего того и гляди зубы покроются инеем.

Покидая это чудное место, я без сожаления расстался с радугой запахов и ощущений туалета и походя толкнул дверь, да щелкнул выключателем. Дверь была такой же как и всегда: плоская, гладкая, относительно теплая поверхность дерева, краска на котором словно прилипла к пальцам, но на самом деле просто не так хорошо скользила. А вот выключатель меня порадовал целой бурей эмоций. Я почувствовал как пружина напрягается под пальцами, как он с щелчком размыкает контакты и как пластик буквально прилипает под

действием все той же пружины к другой стороне.

Я остановился и щелкнул выключателем еще раз, затем еще и еще... Стоял и игрался с ним, как недавно со струйкой воды, прислушиваясь, как звук и мои ощущения входят в общий фон творящегося вокруг. Только если раньше фон был где-то далеко, а мои действия солировали на переднем плане, то сейчас они были на равных. Я не могу сказать что я слышу лучше, что является главным, а что второстепенным: перфоратор, пение птиц или журчание воды в бочке.

По пути на кухню я чувствовал как мои босые ноги прилипают к полу, надо бы, наверно, помыть пол, и как это я раньше не замечал такой грязи и липкости? Под ногами ламинат вновь сменился плиткой, но, в отличии от туалета, тут она была совершенно иной. Чуть шершавая, словно поверхность камня, но такая же кривая, а вот затирка оказалась грубой, она как тонкая полоска наждачной бумаги выползала между плиток и терзала мои ноги.

Я взял чайник, на этот раз ожидая чего-то подобного выключателю, но все оказалось проще. Чайник был теплым, стоя на подоконнике он нагрелся от солнца и теперь одна его сторона была теплее другой. Ручка тоже была разной температуры, возможно так я это и почувствовал. Я открыл кран и принялся наполнять чайник, звук, который струя воды создавала внутри замкнутой емкости заворачивал.

И тут я понял, что мне напоминает сегодняшнее утро, это было так, словно я не живу не делаю все это сам, а просто

смотрю видео снятое на какой-то простенький телефон. Все эти звуки, шум и прочее, все ощущается точно так же, только вот кроме картинки и звуков, на меня валится еще и куча разных запахов, ощущений и вкусов. Как будто кто-то научился записывать все чувства разом, но с настройками не заморачивался, поэтому я слышу, вижу и чувствую совершенно все!

Помнится, когда-то очень давно, когда я был еще маленький, я был очень сильно удивлен тому факту, что фильмы “озвучивают”. То есть сначала снимают все, а потом убирают начисто звук и делают его по новой. Все эти шаги, звук открывшейся двери, шелест листвы под ногами и конечно же голоса – все это создают с нуля, придумывают, находят, записывают, а потом уже накладывают на немое кино. Позже, когда на экраны хлынул поток низкопробных сериалов, я понял зачем это делали. Никому не интересно слушать что происходит за окном, если главное это разговор в кадре. Большая часть звуков, улавливаемых микрофоном, нам только мешает. Вот только наш мозг почему-то дает сбой и если в обычной жизни он успешно все это фильтрует, то в кино он пасует и вынужден все это “слышать”.

Судя по всему, сейчас мой мозг взял небольшой перерыв и отправил фильтр отдохнуть, от чего я получил возможность вдоволь насладиться низкопробным сериалом и реали-шоу одновременно. Пока я все это обдумывал, чайник был набран по самую кромку и водружен на свое законное

место вскипания.

Разобравшись с этой мелочью, я решил заняться запахами. Меня уже начинал подбешивать противный затхлый запах чего-то протухшего и я принялся крутить головой и принюхиваться. Как это ни странно, но, несмотря на массовую атаку запахов со всех сторон, я отлично различал каждый из них. Я понимал, что цветами пахнет через окно с улицы, впрочем и цементом тоже, а чем-то вонючим с кухни. Первым делом я открыл дверь под раковиной, где располагалось мусорное ведро, но там было совершенно пусто. Вчера утром я выбросил все и там лежала только пустая упаковка от лапши, которая хоть и вносила свою лепту в общую картину, но не воняла.

Однако, когда я вставал, я вдруг понял, что пахнет где-то рядом. Принюхавшись к раковине, я нашел источник проблем. Это была тарелка с чем-то размазанным по ней, быть может это остатки яичницы, а быть может какой-то соус, уже и не вспомнить. Мне всегда казалось, что посуду моют только для того, чтобы в следующий раз есть из чистой тарелки, но вот чтобы так... Никогда не предполагал, что тонкий слой еды на тарелке может протухнуть, впрочем, а почему бы и нет. Я открыл горячую воду и заткнул пробкой слив, дабы замочить посуду прежде чем приниматься за мытье. Вода пахла точно так же как в туалете, все тем же металлом, но я решил эту проблему, плеснув несколько капель моющего средства прямоком под струю воды.

Пена принялась заполнять все пустоты и я услышал как она шелкает, от удивления я даже выключил воду, дабы убедиться, что мне не показалось. Пена была как живая, пузырьки вели себя так, словно это была не пена, а какой-то неустойчивый элемент, как уран-235. Они совершенно хаотично шелкали то тут, то там, я не исключаю, что природа этих двух процессов где-то рядом и хаотичность лопающихся пузырей вполне может вписаться в теорию и формулы полураспада.

Было бы интересно вывести формулу полураспада мыльных пузырей или формулу полураспада шампуня, за такое могут и шнобелевскую премию дать, не бог весть что, но все же известность. Если в ядерной физики не удастся добиться чего-то существенного, надо будет подумать над мыльной пеной серьезней. Я слегка дунул на пену и услышал, как она послушно отреагировала на мою дерзость и шумно ответила миллионом маленьких шелчков, что слились в общий “Ш-ш-ш”. Я заставил себя оторваться от этого чудесного наблюдения и открыл воду, дабы истинная причина создания пены не потерялась в череде экспериментов.

Кстати, эксперимент! Меня же просили все задокументировать, жаль, что мне выдали блокнот, а не попросили набрать текст на ноутбуке, впрочем, в моем нынешнем положении, возможно блокнот был даже лучше.

Я сходил за блокнотом, что по-прежнему валялся на полочке в коридоре, он был прохладный на ощупь и какой-то

неприятно шершавый. Ощущение грубого картона моим пальцам, а значит и мне, совершенно не понравилось, кто вообще решил что это правильный выбор? Дизайнер, лопочущий за сохранение окружающей среды? Он сам пробовал трогать свой картон? Ну да ладно, теперь ручка, где-то в рюкзаке должна валяться...

Я расстегнул рюкзак, поражаясь как неудобно сконструирована собачка и зачем только на всех замках на самом кончике делают этот острый бугорок, ведь он буквально вгрызается в пальцы своим единственным зубом. Я запустил руку внутрь и попал в джунгли рюкзака, иначе я это назвать не мог. Внутри меня поджидал целый мир: тетради, какие-то листы бумаги, салфетка, провод для зарядки телефона, карман, еще один карман, нитки от распустившейся тесьмы, карандаш, кусок сломанной линейки, колпачок от ручки и собственно сама ручка. Я схватил ее, словно акула вцепившаяся в очередную жертву среди темных вод океана и вытянул наружу. Мир рюкзака тут же померк, но параллельно я понял, что колено больно упирается в песок на полу, что ссыпался с кроссовок, а куртка на вешалке пахнет влагой, которая так и не удосужилась высохнуть за ночь.

Вернувшись на кухню, я выключил кран, который грозил затопить все вокруг и еще раз полюбовался горой пены над раковиной. Когда буду заниматься периодом полураспада пены, стоит уделить особое внимание тому факту, что большая часть пены образуется вокруг источника пузырьков. Так

у меня в раковине сейчас высился пенный вулкан, в жерло которого несколько секунд назад вливалась струя воды.

Чайник уже закипал, я слышал как вода принялась шуметь, выделяя воздух. Звуком он напоминал мне ракету на старте, которая еще не взлетает, но уже прогревает двигатели и вот-вот взревет дюзы и начнется подъем. Я раскрыл блокнот и провел рукой по гладкому листу белой бумаги, скорее чтобы просто ощутить пальцами что-то приятней грубой обложки. Бумага пахла типографией, врядли я чувствовал этот запах прежде, но теперь я понимал, что именно так пахнет краска.

Первым делом, я решил описать свое пробуждение, но как только ручка коснулась бумаги, меня посетили новые ощущения. Я чувствовал как бумага проминается под шариком, как шарик вращается и оставляет чернильный след на бумаге. В какой-то момент его заклинило и меня передернуло от этого ужасного скрипа. Чайник продолжал греться и шум прекратился, сменившись гулкими бульками воды, что источала пар. Я посмотрел на его прозрачную поверхность и увидел, как пар внутри пузырьков всплывает к поверхности, и там они лопаются, выпуская его на волю.

Пол под ногами продолжал терзать мои ноги, он был прохладным и пыльным, отчего казалось, что я сижу не на кухне, а в каком-то подвале. Вот уж поистине самый лучший способ заставить убраться во всей квартире, так это просто включить все чувств и ощущения. Запах доширака донимал

нос и я его уже ненавидел, но за окном меня ждал цемент и жженое железо.

Дабы немного отойти от бури ощущений, я открыл холодильник, его ручка была липкой на ощупь, видимо за долгие годы капли масла от готовящейся еды оседали на нее и превратились в несмываемый лак. Внутри пахло фреоном и старой бумагой, да именно это название пришло мне в голову “старая бумага”. Уж не знаю, откуда моему носу знать как пахнет новая бумага и чем это должно отличаться от старой, но это было именно так. Холодный воздух волной окатил мои ноги, от чего я почувствовал себя не только пыльным, но еще и замороженным. Внутри было относительно пусто, со вчерашнего дня мало что изменилось, а потому я достал какой-то сыр, хлеб и масло и решил обойтись бутербродом.

Масло тоже пахло фреоном, но если держаться от него на расстоянии, то запах почти не ощущался, в отличие от сыра. Почему-то вспомнился отрывок из “Трое в лодке не считая собаки”, потому что запах сыра буквально захватил мою квартиру, стоило мне распечатать пищевую пленку. Безусловно это был не Рокфор или что-то подобное с мощным эффектом ядерного взрыва, но и этого легкого сырного бриза моему организму сейчас хватило.

Отрезав ломоть хлеба и как можно аккуратней намазав на него масло, я принялся терзать сыр. Он был достаточно твердым, чтобы сойти за настоящий, а потому нож упорно

соскальзывал с его глянцевої поверхности. Настрогавав тонких пластинок, я мозаикой выложил их поверх масла и решил, что вчерашний пакетик чая более чем подходящий для утренней заварки. Именно от него пахло старым чаем, который я учуял еще лежа в постеле, на дне кружки оставалось с сантиметр темной бурой заварки и достаточно было добавить кипятка.

Я присел на стул, чтобы прийти в себя, все же такой поток информации со всех сторон не оставлял мой рассудок в покое и я боялся буквально утонуть и захлебнуться в этом потоке. Я слышал, как пузырьки воздуха выходят из пакетика с чаем и лопаются на его поверхности, как остатки воды кипят в чайнике и как тарахтит компрессор холодильника. Видимо холодильник осознал, что его открыли и выпустили драгоценный холод и теперь он пытался вернуть статус кво.

Я взял в руку бутерброд и мысленно перекрестившись сделал первый укус. Хлеб был мягким и холодным, а еще он крошился, приликая крошками к губам и усеивая ими же стол. Масло было не менее холодным и скользким, а еще оно все так же пахло фреоном и это бесило, я даже подумал, что без масла сегодня было бы лучше. А вот сыр меня не подвел, он был в меру твердым и упругим, отчего легко раскусывался и не крошился.

Вкус бутерброда ожидаемо изменился, я ощущал вкус хлеба, который уже с неделю живет в холодильнике, вкус и запах масла, даже боюсь представить сколько ему дней или

лет... Только сыр практически не изменился, видимо он и прежде был самым ярким из всех вкусов, а потому не смог выделиться в этот раз. А еще я чувствовал, как мои зубы сплющивают еду, как выделяется слюна и как частички пищи циркулируют во рту попадая под все новые и новые сжатия. Странно, я всегда ел пищу именно так, неужели вся эта богадельня скрывалась от моего разума намеренно, дабы не расстраивать лишний раз?

Посмотрев в окно, я решил, что институт сегодня останется вне моих интересов, если уж простая чистка зубов и бутерброд с сыром привнесли в жизнь так много нового, то поездка в транспорте или пеший поход по дороге может и вовсе меня убить. Еще не хватало спрятаться где-нибудь от всего этого “внешнего” мира и ждать пока перестанет действовать препарат. Нет уж, лучше я пережду это дома, в крайнем случае прогуляюсь неподалеку.

Поедая бутерброд, я решил еще раз попробовать описать все, что успел почувствовать, но, вспоминая свой предыдущий опыт, я решил заткнуть уши. Ведь со скрипящей ручкой я ничего не могу поделаться, а раз нельзя устранить причину, будем бороться с последствиями. На одной из полок у меня пряталась небольшая аптечка, она досталась мне вместе с квартирой. Это была небольшая коробка из-под какой-то бытовой техники, в которой лежали: бинт, вата, зеленка, маленький флакон спирта и десяток блистеров с самыми распространенными таблетками.

Когда я только нашел этот тайник, я провел ревизию, выкинув все просроченные лекарства и закупив те, что посчитал необходимыми, разумно посчитав, что бинт и вата испортиться не могут, сколько бы лет им не было. Как только я открыл крышку, нос сразу же забил тревогу, я чувствовал запах валерианы, корвалола и чего-то насквозь химического. Но я предвидел это, а потому просто старался меньше дышать. Вытянув клочок ваты, я быстро скатал его в шарик и воткнул в левое ухо, а затем повторил операцию с правым. Не сказать, что это сильно блокировало звук, но стало лучше, по крайней мере я перестал слышать шипящие и свистящие шумы, которые удивительным образом страшно раздражали.

Подумав немного, я скатал еще два шарика и заткнул ими нос, в надежде, что запахи станут тише, но ошибался. За все то время, что вата провела в закрытой коробке рядом со всеми этими лекарствами, она буквально впитала в себя запахи и теперь радостно представляла всю свою коллекцию моим рецепторам. Мне казалось, что я опустил голову внутрь коробки и сделал глубокий вдох, а потому я резко выдернул свои самодельные фильтры и снова ощутил запах вчерашней лапши, сыра, чая и уличных цветов.

– Уж лучше так, чем эта чертова химия, – тихонько пробормотал я.

Присев обратно на стул, я принялся записывать свои ощущения, которых с утра накопилось на добрый десяток ли-

стов. Впрочем, некоторые моменты я все же упустил, постеснявшись описывать что я чувствовал когда ходил в туалет или мыл посуду. Есть некоторые вещи, которыми я все же не готов делиться с лаборантами и профессорами, если им так интересно, могут и сами попробовать.

Я по-прежнему ощущал как ручка проминает бумагу, а шарик катится по ее гладкой поверхности, оставляя липкие чернила. Быть может это были и не совсем чернила, но мне было проще думать именно так. Сначала я описывал все подробно, стараясь подбирать точные слова и формулировки, но вскоре мне это надоело. Записи не приносили гармонии в мою жизнь, а скорее раздражали своей обязательностью и необходимостью. Больше всего мне хотелось поскорее дописать все то, что я посчитал важным и остановиться.

Да, именно этого мне хотелось больше всего – остановиться и ничего не делать, не нюхать и не слышать. Я дописал последнее, отложил ручку и привычно взялся за кружку. Держа ее за ручку я чувствовал обратной стороной пальцев как она горячая, тепло буквально освещало мои пальцы и это было странно. Я отодвинул в сторону блокнот с ручкой и поставил перед собой кружку, внимательно ее рассматривая. Она не светилась, но стоило мне поднести к ней руку на расстоянии нескольких сантиметров, как я чувствовал тепло.

Это было удивительно, я впервые в жизни осознал, что инфракрасное излучение это не выдумка и не какой-то тонкий процесс, существующий лишь в лабораториях. Я чувствовал

рукой тепло и это было ничем иным, как те самые тепловые лучи, которые невозможно увидеть глазами. Ради интереса я поместил блокнот между кружкой и рукой и тепло исчезло, затем убрал и вновь почувствовал.

Решив, что чай пить еще рано, он слишком горячий, я просто откинулся на стену и закрыл глаза, в надежде, что хотя бы часть ощущений я могу блокировать, но не тут-то было. Закрыв глаза, я вдруг понял что именно меня терзало последние несколько минут.

Как только я заткнул уши ватой и блокировал внешний шум, я начал слышать свой организм. Сейчас, с закрытыми глазами я осознал, что весь этот гул, это не остатки звуков, что просачиваются через вату, а моя собственная кровь. Я слышал как бьется мое сердце, как кровь несется по венам и артериям, как она просачивается в каких-то капиллярах в ушах и я ее слышу.

Если я двигал рукой, я слышал как работает мой собственный сустав, это было похоже на дрожащий звук, словно у меня рука двигается не за счет мышц, а какого-то импульсного двигателя. Звук был как от дрели, только на много порядков тише. А еще я слышал свое дыхание, оно звучало как ветер в какой-то пещере. Воздух, по всей видимости, проходил по горлу, просачивался в легкий, а затем выходил обратно. В горле что-то мешало прямому проходу и как только я это осознал, мне нестерпимо захотелось кашлять.

Прокашлявшись и получив еще целый букет ощущений,

я снова расслабился, но на этот раз я услышал как в носу что-то забавно присвистывает. Меня рассмешило собственное несовершенство и я, смирившись с неизбежным, вынул вату из ушей. Уж лучше я буду считать мир вокруг странным, чем самого себя. Мир может измениться, а с собой мне еще жить и жить!

Институт подождет, я вновь прикрыл глаза и попытался вспомнить какие сегодня пары, но мозг, атакуемый со всех сторон, отказывался выдавать информацию. Видимо толку от такого препарата будет немного, человеку свойственно не только принимать информацию, но и как-то ее анализировать, а еще не мешало бы просто думать и решать что делать. Сейчас я ощущал себя скорее универсальным датчиком всего, но при этом сведения которые я мог предоставить были настолько условными, что никакого практического применения им не было.

Ну что толку от того, что я слышу закипание чайника? Я же не могу сказать какой силы или частоты этот звук. А лекарства, да, я чувствовал этот химический запах десятков старых таблеток, но что входит в их состав сказать не смогу, даже примерно. Липкая вода, тоже забавно, но смахивает на слишком личные ощущения и никак не описывает ни ее состава ни ее плотности. Даже с температурой, также история, стол холодный, а кружка горячая – вот и все, что я мог про нее рассказать.

Сложно представить себе ситуацию, в которой необходи-

мо слышать видеть и чувствовать все и сразу, чаще нужно что-то одно, но очень подробно и точно, но это прямо противоположное ощущение.

Отхлебнув немного чая, я внезапно осознал, что забыл положить сахар, а потому по языку прокатилась волна горького и вяжущего напитка, которая не принесла мне утоления жажды, скорее даже наоборот. Бросив пару кубиков сахара, я принялся их размешивать. По началу удары ложки напоминали мне колокольный звон, от чего я зажмурился, а затем, стараясь не касаться стенок, закончил процесс принудительного растворения. Было слышно как крупинки сахара трутся о поверхность кружки, я наблюдал за тем, как они кружатся в водяном вихре и постепенно тают прямо у меня на глазах.

Наконец, запив свой завтрак сладким чаем, я подхватил телефон и отправился обратно в кровать, предварительно закрыв окно, дабы снизить уровень шума и запахов с улицы. Кровать была прохладной и чуть влажной, видимо ночью было жарко, а еще она продолжала пахнуть немытыми волосами и потом. Раздумывая над перспективой перестирать постельное белье сейчас или потом, я решил, что уж лучше прямо сейчас, пока не наступила ночь и мне не пришлось делать все тоже самое.

Стянув простынь, пододеяльник и наволочку, я запихал их в стиральную машину и с удивлением отметил, что из машины тоже пахнет не Бог весть чем. Больше всего это бы-

ло похоже на застоявшуюся воду, такой запах иногда бывает на пруду или у небольшого болота. А вот в отделении для порошка все было как положено, там пахло порошками. Не каким-то определенным, а таким сборным запахом порошков, что побывали в машинки за все время ее существования. Я не стал использовать порошок в этот раз, а ограничился небольшой капсулой с гелем, мне почему-то показалось, что так запаха будет меньше.

Стиральная машина принялась за свой обыденный моцион, я слышал как вращается барабан, как щелкает соленоид впуская воду и как перемешивается белье. Теперь мне не надо было даже напрягаться, звуки доносились сами собой и даже пожелай я отвлечься, не смог бы.

Я достал второй комплект белья, который благоразумно купил после того, как однажды пришлось спать на влажной, невысохшей из-за дождя простыне, и принялся застилать постель. Белье было странным на ощупь, оно так сильно просохло за все то время, что лежало на полке, что казалось бумажным. Простыня была твердой и грубой на ощупь, а наволочка отказывалась впускать внутрь подушку. С пододеяльником вообще пришлось воевать, покуда я дважды запутался в его углах и одеяло постоянно оказывалось перекручено пропеллером.

Никогда прежде застиланье кровати не приносило мне столько проблем и мучений, быть может виной была та буря ощущений, которые я испытывал просто засовывая руку

в постельное белье или сжимая в руке угол одеяла. А быть может, я просто разучился это делать и мне не хватало практики. В любом случае, свежая постель была готова к использованию, но раз уж все стало таким чистым, не мешало бы принять душ.

Я уселся в кресло и начал обдумывать эту мысль, душ это будет то еще испытание для моей нынешней психики. Сперва нужно все обдумать и морально подготовиться в этому действию. Если прежде от душа меня останавливала только лень, то сегодня все изменилось и лень отошла на второй или даже третий план. Я осознавал, что это будет вода, много воды и она будет пахнуть железом и хлором и течь по моему телу. А еще будет сильно пахнувший шампунь и гель для душа, который я даже не представляю как будет ощущаться кожей. Если бы не предостережения врача, я бы наверно использовал коньяк, для подавления страха, но сейчас, будучи наученным горьким опытом с чаем и бутербродом – я начал догадываться, о чем меня предупреждали.

Сидя в кресле, я лениво листал телефон, рассматривая мемасики и сообщения в групповых чатах. В институте, судя по переписке, все было как обычно, никто не заметил моего отсутствия, а я чудом не пропустил зачета или чего-то существенного. В принципе было только немного жаль лабы, нам должны были показать настоящую камеру вильсона с крупинкой радия, но было так много видео, что я не особо переживал.

Добравшись до конца переписки, я собрался с силами и, как заправский бегун или скорее штангист, отправился в ванную. Прежде всего я затаил дыхание и открыл кран, затем переключил его на “душ” и стал ждать. Вода была горячей, но мне это и требовалось. Когда пар начал заполнять комнату, а легкий взмолились о новой дозе кислорода, я выдохнул и закрыв глаза начал снова дышать.

Как оказалось, закрывать глаза было бесполезно, организм отлично впитывал всю информацию, до какой мог дотянуться своими щупальцами, а щупать он сейчас любил все подряд. Мне казалось, что мое тело превратилось в маленького ребенка, который все тянет в рот, все нюхает, облизывает рассматривает ощупывает. И если ребенка можно было взять на руки и попросить успокоится, то меня на ручки никто брать не хотел.

В ванне пахло влагой, примерно как во рту от слюны или от чайника с кипятком, но сильнее. Зато все неприятные запахи ушли на задний план, что не могло не радовать. Я больше не чувствовал легкий запах канализации из стоков, даже запах зубной пасты перестал терзать мои ноздри. Я разделся, не решаясь покидать это, ставшее уютным, пространство и перешагнул бортик в ванну. Да, у меня не было душевой кабинки, а набирать ванну я никогда не собирался, разве что складировал в холодной воде напитки, когда собирались большой компанией, но что есть, то есть.

Покрытие ванной подарило мне новые ощущения, оказы-

вається вона була вовсе не глянцева і скользя, як я считал завжди, а шершавая. Было ощущение, что я наступил на бетон или известняк, видимо десятки лет этот налет откладывался на дне, но никто его попросту не замечал. Я присел на корточки и провел по нему рукой, чуть царапнув ногтями, от чего меня буквально передернуло. Звук, который ударил в ладонь молниеносно разнесся по всему телу и заставил сжаться мышцы. Я почувствовал как по телу пробежали мурашки и решил больше не экспериментировать с чувствительностью.

Для пущей верности, я отошел подальше от потока воды и сунул под него ладонь, ничего страшного не произошло, только вода была чуть теплее чем требовалось. Дотянувшись до крана я отрегулировал температуру и подошел ближе, так, чтобы вода стекала по моему телу, прислушиваясь к своим ощущениям. Температура была подходящей, а потому я принялся намочить. Встав под душ целиком, я вновь закрыл глаза и ждал, пока струи воды стекая по волосам намочат все мое тело. Процесс шел не очень быстро, а потому я принялся помогать руками, размазывая тонкие струйки по всей площади.

В какой-то момент я вдруг услышал странный звук, словно где-то в трубе что-то щелкнуло и успел подумать: “Странно, что это было?”, – в этот самый момент меня обдало горячей водой. Я отскочил от душа и с презрением уставился на него, словно он был живой и хотел надо мной подшутить,

затем вытянул руку и подстроил температуру. Мне даже показалось, что звук стал несколько иным, словно после щелчка напор снизился.

Решив, что с меня хватит намочить, я взял с полки шампунь и выдавил его на ладонь. Запах ментола вновь ворвался в мой нос и напомнил, что мятный шампунь это не самый лучший вариант в моем положении. Я быстро пробежался по полке в бесполезном поиске чего-то другого, но шампунь у меня был только один. тяжело вздохнув, я несколько раз глубоко вдохнул и вывалил шампунь на волосы. Стараясь не терять время, я быстро принялся втирать его в волосы, как можно тщательнее намыливая голову. Но меня ждало еще одно удивление, у меня начала мерзнуть голова! Да именно так, словно шампунь все это время лежал в морозилке и теперь остужал все на свете. Быть может он всегда был таким, просто я быстро привыкал к этому эффекту, но теперь то я другой.

Голова мерзла и я даже начал переживать не простужусь ли я, или чего хуже не подхватю ли менингит, но коснувшись руками друг друга, я убедился, что это не настоящий холод, а лишь мои ощущения. Решив, что на сегодня достаточно пытать голову и пора бы приняться за смывание, я все же выдохнул и резко набрал еще воздуха. Это слабо помогло, легкие тоже наполнились холодом и теперь вся верхняя половина моего тела замерзала. Глаза открывать я побоялся, мне вот еще не хватало ощутить как щиплет глаза, в моем положе-

нии можно и ослепнуть от таких эмоций.

Вытянув руку перед собой, я нащупал теплую струю воды и убедившись, что температура не изменилась сделал шаг вперед. Тщательно смывая пену с головы под душем с закрытыми глазами я почувствовал совсем уж странное. Мне начало казаться, что у меня на голове какая-то шапка, она сделана из чего-то мягкого как шерсть и очень легкого, а я мою волосы под ней. При этом шапка потихоньку тает под струями воды и сползает какими-то липкими лохмотьями по рукам и телу. Умом я понимал, что это просто пена и ничего такого уж ужасного в ней нет, но в образах рисовалось какая-то странная медуза, которая плавилась и стекала соплями по мне. Хорошо, что я не любил фильмы ужасов и не принимал такой бред воображения всерьез.

Мятная пена действовала как снег, что попал шиворот и медленно сползает по спине. Я чувствовал как она захватывает своим холодом все новые и новые территории, как кожа под ней начинает морозиться и остывать, но вариантов не было. Пальцы терзали волосы, стараясь избавиться от остатков шампуня, в то время как я буквально ощущал, что начинаю замерзать.

В какой-то момент, я вновь услышал этот странный щелчок и струя воды стала сильнее. В этот раз я успел подумать: “Странно, в тот раз было наоборот”, – и меня тут же окатило холодной водой. Теперь это были не только ощущения, это была по настоящему холодная вода, которая била струями

по моему телу, а в сочетании с ментоловым шампунем холодила еще сильнее. Понимая, что без воды мне не избавится от шампуня, я вышел из под струи, засунув обратно лишь голову. Нужно было смыть хотя бы ее. Глаза все же начало щипать, но это не так уж сильно отличалось от того, что я чувствовал прежде, на протяжении всей своей жизни.

Когда я решил, что смыл шампунь, я вытянулся в полный рост и руками, насколько смог, выгнал воду из волос. Глянув на полку, я решил больше не рисковать с мятой и взял гель для душа, который достался мне от предыдущих жильцов. Это был какой-то цветочный аромат, но кому какое дело чем будет от меня пахнуть сейчас. Вылил немного геля на ладонь и заметил странное, в нем плавали какие-то мелкие крупинки, словно песок. Я повернул пластиковый бутыль этикеткой к себе, и убедился, что мне не показалось, там было прямо написано “Шампунь со скрабом”, ну что ж, давайте расширим поле эксперимента.

Размазывая по себе эту субстанцию, я чувствовал, как маленькие крупинки трутся по коже, ощущения говорили о том, что это безопасно и в какой-то мере даже приятно, словно почесал давно зудящее место, но действовал я с опаской. Намылив все тело, я вновь сунул руку под душ, вода по прежнему была холодной, а значит мне предстояла еще одна небольшая битва с краном за температуру.

Как любой, уважающий себя кран, мой имел ровно три положения: Дико холодно, нормально, обжигаете горячо. При

этом положение “нормально” всегда пряталось в новом месте, а градиент ошибки составлял не более миллиметра. Вся остальная рабочая зона была покрыта адовым огнем или антарктическим холодом, кому нужны такие краны всегда было для меня загадкой. Из миллиона положений все пользовались промежутком в один процент, игнорируя все остальное. По сути, кран мог иметь всего три положения: холодная вода, нормальная, горячая вода. Если бы он переключался тумблером между этими тремя градациями было бы достаточно.

Я поправил температуру и убедившись, что все встало на свои места, принялся смывать гель. Никогда не думал, что это может оказаться настолько сложно. Гель противился воде и отказывался в ней растворяться, а тело отказывалось избавляться от геля. Сколько бы я не тер под водой кожу, смывались лишь те самые крупинки, оставляя скользкий слой чего-то на коже и этот самый слой никуда не уходил. Когда я решил, что я не претендую на абсолютную чистоту и меня вполне устроит посредственный вариант, поскольку запах цветов, мяты и металла уже порядком достал, температура воды вновь решила измениться.

На этот раз, как и предполагалось, вода стала теплее, не обжигающе, а скорее просто теплее, поскольку тело чувствовало недостаток тепла от первых двух итераций. Я быстро домыл себя как смог, стараясь просто побыстрее с этим покончить и выключил воду. Теперь уже невозможно было ни

заморозить ни ошпарить меня, я почувствовал себя в безопасности и расслабился. Стоя посреди ванны с закрытыми глазами, я просто ощущал, как капли стекают по мне, а воздух вокруг наполнен влагой. Запахи, разумеется, никуда не делись и пока у меня было время, я вновь взял в руки бутылку с гелем и принялся читать.

Среди кучи рекламных слоганов и убеждений, что необходимо купить именно этот гель и никакой другой мне не подойдет, я нашел то, что искал: “С эффектом увлажнения кожи”, – так вот что это было. Судя по составу, этот самый эффект достигался банальным глицерином, который испокон века использовался для смачивания кожи. А то, как он отказывался смываться говорило в пользу моей догадки.

Я не стал выбираться из ванной, дотянулся до полотенца и накинул его на голову, капли воды впитывались в ткань, но происходило это слишком медленно. Руками, растирая волосы, я решил немного ускорить процесс. Полотенце пахло хлопком, как пахнет вата, я понял это после того, как попытался избавиться от лишних запахов заткнув ноздри.

Когда волосы стали относительно сухими, я расправил полотенце и набросил его на плечи, после чего выгнул спину дугой и почувствовал, как капли, только что холодившие кожу и стекающие по телу, принялись впитываться в ткань. Никогда не обращал внимание на такое простое ощущение, как впитывание, для меня этот процесс всегда проходил безо всяких ощущений.

Вытираясь, я вдруг вновь услышал этот предательский щелчок, который сопровождался изменением температуры, но только теперь я смог отследить его источник. Щелкало что-то за дверью, просто прежде мне мешал шум воды, а теперь я четко расслышал направление звука. Я распахнул дверь и выскочил в небольшой коридор, прислушиваясь что же это могло быть.

Из большой и по совместительству единственной комнаты доносился звук далекого ремонта, кто-то опять терзал стену молотком и чем-то металлическим, словно пытался забить гвоздь прямиком в бетон. Из коридора слышался легкий гул ветра, где-то было открыто окно, обычно так делал сосед живущий этажом выше, когда курил в подъезде. После него всегда оставался запах табака, а если он забывал закрыть окно, то еще и сифонило вниз от двери, мешая ее открыть с улицы и приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы побороть, и пружину, и сквозняк одновременно. А вот с кухни доносилось странное шипение, словно кто-то выпускал газ из колеса.

Я обмотался полотенцем, на случай если кто-то заглянет в окно и отправился исследовать звук с кухни. Как только я оказался там, сразу же понял кто являлся главным виновником моих попыток, это была стиральная машина. Ну конечно, я же закинул стираться постельное белье, а машинке нужна для этого вода. Периодически набирая воду или наоборот перекрывая поток, она меняла давление в трубе, что пагуб-

но сказывалось на точности тонкого температурного баланса воды из крана в ванной.

В очередной раз раскрыв холодильник, я убедился, что есть что-то придется, но есть совершенно нечего. Можно было бы одеться и прогуляться до ближайшего мака, но выходить на улицу, после всего что я испытал, я все же побаивался. Решено было заказать пиццу домой и тем самым удовлетворить свои скромные потребности в еде на сегодня.

Пол по прежнему был липким на ощупь, но братья сейчас за мытье полов, еще неизвестно чем обернется, а потому я пообещал себе обязательно сделать это позже и на этом успокоился. На кухне призывно лежал блокнот и ручка, я пристально посмотрел на свой собственный текст и решил, что упоминание про ванную и мяту не будет лишним, а потому быстро записал самое важное, что вынес из этого действия и отправился одеваться.

Одевать свою прежнюю одежду не хотелось совершенно, она была грязная на ощупь, пахла потом и почему-то бензином, видимо сказывались мои поездки в общественном транспорте, а быть может в такси. Впрочем, такси в студенческой жизни было скорее роскошью, поэтому я делал ставку на автобусы.

Открыв ящик, я принялся придирчиво изучать свой скромный гардероб. Майки были разные, с разными надписями и разных цветов, но сейчас меня интересовало не это. Я закрыл глаза и провел по ним рукой, на ощупь они были тоже

разные. Вот эта вся в мелких катышках, следующая какая-то синтетическая, дальше просто старая и ветхая, пора бы ее выбросить, но видимо жаль расставаться, а вот эта подойдет. Я вытянул ту, что мне больше всего понравилась и открыл глаза, это была самая обычная белая футболка без каких-то рисунков, но ее ткань сейчас больше всего мне нравилась.

С трусами и джинсами было намного проще, они все были совершенно одинаковые на ощупь, а потому я не стал заморачиваться и просто надел те, которые ничем не пахли. Нет мне не надо было принюхиваться или утыкаться носом в одежду, я чувствовал запах так же как видел цвет, стоило мне посмотреть на джинсы и потянуть носом, как я безошибочно определял чем они пахнут. Наверно мне сейчас стоило пойти на рынок и выбрать себе вкусных помидор или фруктов, очень удобно идти вдоль прилавка и просто ощущать запах, а не подходить к каждому по отдельности, рискуя нарваться на невмеру говорливых продавцов.

Вернувшись на кухню, я взял телефон и принялся искать пиццерию, все что мне требовалось было у всех, я не стремился к каким-то изыскам, а значит главным становилась цена и скорость доставки. Посмотрев на часы, я понял, что пара часов до того момента, когда мне захочется есть у имеется, а потому радиус поиска весьма обширен.

Судя по цене, пиццу можно было делать очень по разному, а потому, для эксперимента, я заказал самую дешевую, какую только смог отыскать и подороже. На самую дорогую

пиццу наложила вето моя жаба, сославшись на то, что употреблять золото она сегодня не планировала, а судя по цене там его будет очень много. Пицца была одной и той же, помимо теста в ней обещали присутствовать ветчина и грибы. Какие именно грибы и из кого была произведена ветчина не уточнялось, да в принципе и не имело значения.

Каждый раз, когда мы собирались с друзьями, мы вообще слабо фиксировались на содержимом пиццы и на раз покупали три-четыре вида, дабы была хотя бы иллюзия выбора различных ингредиентов. Фактически же мы ели все подряд, слабо отличая одно творение поваров от другого. Безусловно разница во вкусе была и я бы с закрытыми глазами отличил один вид от другого, но вот сказать какая была вкуснее или лучше не смог бы.

Звуки все так же терзали мои уши, после нескольких часов работы молотком до ремонтников видимо дошло, что бетон был не так-то прост, как казался на первый взгляд и они где-то раздобыли перфоратор. Пулеметная очередь периодически оглушала меня, проникая со всех сторон. Создавалось ощущение, что перфоратор спрятан где-то в толще бетонных перекрытий и оттуда яростно вещает о своем неминуемом скором пришествии. Картину дополнял отзвук осыпающейся мелкой каменной крошки в промежутках между тирадами.

Я оказался в безвыходном положении, выйти на улицу мне было страшно, а оставаться дома было невыносимо. Запах

вчерашней лапши уже стоял поперек глотки, а приближающийся запах пиццы пугал завтрашним утренним пробуждением. Майка хоть и была мягкой на ощупь, но все же терлась о кожу не давая забыть о своем присутствии, а джинсы впились ремнем и заламывались под коленками.

Все же джинсы должны быть мятыми и ношенными, чтобы быть достаточно мягкими, а сразу после стирки, да еще и не дай Бог после глажки, они невыносимо жесткие. Сгибая ноги в коленях я ощущал, как мои мышцы борются со структурой плотной ткани изгибая ее в нужную сторону. Джинсы безусловно проигрывали в этой борьбе, но до окончательной капитуляции было еще далеко.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я принялся писать, но это мало помогало. Я продолжал чувствовать все то, что чувствовал прежде, только теперь еще и скрип ручки. Бумага нещадно продавливалась шариком, он вращался и шелестел чернилами, которые прилипали к гладкой поверхности листа. А еще я начал чувствовать какой-то странный зловонный запах. По началу мне показалось, что это опять пахнет из канализации и я открыл горячую воду, дабы пролить канализационную трубу, но запах никуда не делся.

Пользуясь своей “суперспособностью” я встал по центру комнаты и принялся дистанционно обнюхивать все, что попало мне на глаза, но, эксперимент провалился. Я чувствовал только запах, который знал, так блокнот пах бумагой и чернилами из ручки, а чашка пахла чаем, но все остальное

было “серым пятном”. Стол, раковина, холодильник не пах ничем, видимо слухи о моей суперспособности были сильно преувеличены. Вздохнув, я принялся за дело по-старинке, обходя всю кухню по кругу и обнюхивая вещи, приближаясь к ним носом.

Возле раковины запах усилился, поэтому я опять начал грешить на слив, но этот ребус решился значительно проще: воняла губка для мытья посуды. Я взял ее двумя пальцами и аккуратно выкинул в мусорный пакет, стараясь не испачкать руки, а затем вымыл руки с мылом. И на всякий случай открыл окно, все же запах цветов был лучше запаха отходов.

Самым странным было восприятие всего и сразу, если раньше я чувствовал что-то одно, словно солист выводил свою партию а капелла, то теперь это больше напоминало оркестр. Отвратительно сыгранный, мешающий и перебивающий сам себя огромный оркестр. Все запахи и ощущения конкурировали в громкости и ярости атаки на мой организм, а мозг метался от одного ощущения к другому, стараясь охватить все на свете.

Мне вдруг стало интересно, а как долго я буду еще пребывать в этом состоянии, не случится ли так, что я теперь навечно стану узником всех этих ощущений и как же теперь жить? Конечно я привыкну, найду способ существовать со всем этим, но все же хотелось бы побольше конкретики.

Я взял телефон и набрал знакомый номер с визитки, как обычно, сначала было несколько долгих гудков ожидания, но

потом трубку все же подняли:

– Да, слушаю вас, – раздалось буквально у меня в голове и в тот же момент заработал перфоратор, от чего мой вопрос потонул в грохоте и шуме осыпающихся камней. – Простите, вас плохо слышно, не могли бы вы выйти куда-то? – продолжил голос в трубке, после того, как тишина с моей стороны восстановилась.

– Простите, сейчас постараюсь... – быстро проговорил я и метнулся к балконной двери.

Оказавшись, по-сути, на улице, я окунулся в целый мир разных звуков, тут пели птицы, ездили машины, рычали автобусы и где-то далеко лаяла собака, явно недовольная своим хозяином. Грузовик пятился задом, предупреждая ближайший квартал об этом пронзительным писком, а по тротуару мчался мальчуган на велосипеде и громыхал звонком на руле. Где-то просигналила машина и ей тут же ответил другой сигнал, а быть может поддержал его негодование.

– Простите, тут лучше слышно? – поинтересовался я, не особо надеясь на тишину.

– Да, тут я вас хотя бы слышу. Кто это?

– Это Ярослав, я был у вас вчера, помните? – попытался объяснить я.

– Не особо, а по какому поводу мы встречались, у вас были какие-то проблемы или трудности?

– Нет, я из эксперимента, по какой-то там фильтрации... – забыв правильное название я постарался объяснить как смог.

– А, вы приезжали к нам перед обедом, да? Все, я вас вспомнил, что-то не так, вам нужна помощь? – внезапно испугался Михаил.

– Да вроде как нет, необычно все это, но я хотел спросить, а как долго все это будет продолжаться? А то я не могу в институт вот так пойти, слишком много всего и как-то...

– А как давно у вас началась блокада фильтра?

– В смысле, какая блокада?

– Ну, раз вы заметили изменения, то я думаю можно уже говорить прямо, когда вы начали чувствовать все и сразу?

– Сегодня утром, может быть и ночью, но осознанно я понял это лишь утром.

– Отлично, значит у вас организм быстро адаптируется и завтра все пойдет на спад.

– То есть завтра я уже проснусь нормальным? – переспросил я.

– Вы и сейчас нормальный и если бы мы провели любые тесты, ваш организм реагировал бы на них точно так же как и прежде, даже состав крови, желез не изменился. Более того, все ваши органы функционируют точно так же как и прежде, вы совершенно ничем не изменились.

– Постойте, но почему я тогда ощущаю, что все же изменился и притом очень сильно.

– Мы лишь запретили вашему мозгу игнорировать мелочи, так сказать попросили его уделять внимание всему. Изначально это средство разрабатывалось как вещество усилива-

ющие когнитивные функции головного мозга, но потом что-то пошло не так.

– То есть умнее я не стал...

– К сожалению нет, но с другой стороны и глупее тоже. Вы не забываете про дневник? Нам очень важно знать все, что вы сейчас испытываете, поверьте в этом деле нет мелочей.

– Да, я уже несколько страниц исписал, с этим проблем нет. Противно только, но терпимо.

– Противно? Так-так-так, а расскажите, что именно противно?

– Ну шарик этот липкий, бумага холодная и скользкая, чернила воняют, да и вообще все воняет.

– Изумительно, просто изумительно, – тихонько приговаривал Михаил, слушая мои жалобы.

– Возможно это и классно и все такое, но мне бы хотелось узнать как долго это будет, а то меня так из института выгонят.

– Про институт не волнуйтесь, мы напишем официальное освобождение, никто вас не выгонит. А судя по скорости протекания процессов, как я уже говори завтра уже все пойдет на спад, это будет не резкий процесс, но к вечеру уже все будет как было.

– Хорошо, я тогда завтра к вам приеду.

– Лучше послезавтра, я бы вас попросил записывать и обратный процесс тоже.

– Но ведь это суббота?

– Да, я буду на месте и дождусь вас, не переживайте. Заодно выпишу вам освобождение от учебы и выдам оставшуюся сумму. – подтвердил Михаил.

– Спасибо, тогда до послезавтра, – быстро попрощался я, чувствуя, что шум улицы начал порядком давить на мою психику, а грязный и запыленный пол под ногами сильно раздражал.

Как-то само получилось, что за всем этим шквалом ощущений я позабыл о деньгах, а ведь мне остались должны еще очень приличную сумму, что меня очень обрадовало. И пока я помнил об этом, я решил записать в блокнот все, что только что успел почувствовать и услышать на улице, не забывая про запах выхлопных газов, яркие краски солнечного дня и, конечно же, всей гаммы звуков, что окружали меня.

Для описания всего, что я услышал и унюхал, мне даже не потребовалось напрягаться, я отчетливо помнил каждый звук и запах и мог легко описать его со всех сторон. При этом я заметил, что начал описывать некоторые явления с необычной грани восприятия. Так, сигнал автомобиля казался мне пронзительным и ярким, словно вспышка фонаря на маяке, а шум велосипеда больше напоминал прохладные капли дождя, которые тарабанят по железному настилу.

Запах выхлопных газов был каким-то фиолетовым, чуждым и странным. Я не мог сказать, что он был противен или напротив нравился мне, скорее всего он был именно чужим. А вот звук грузовика, который сдавал задом, был колючим,

как иголлка от значка, которая не беспокоит ровно до тех пор, пока ты не решишь поправить рубашку. Он буквально прокалывал уши, заявляя о себе и тут же исчезал, делая вид, что уже все нормально, а затем опять и опять.

Все это я тщательно записывал и конспектировал, надеясь лишь, что мои записи не сочтут за мысли психически больного и меня не положат в больничку. Впрочем, если бы мне пришлось жить со всем этим всю жизнь, я наверное свихнулся бы, уж не знаю кому может пригодится это вещество, но лично я с трудом представлял себе человека, желающего такого. Впрочем, есть же спортсмены, которые тренируются до потери пульса лишь бы иметь возможность пробежать на десятые доли секунды быстрее или поднять на несколько килограмм больше.

Побывав на улице и убедившись, что там не так уж страшно, а дома постоянно долбит этот чертов перфоратор, я посмотрел на часы и решил, что до пяти они точно будут ремонтировать, а значит можно прогуляться. Недалеко, чтобы в случае чего можно было быстро ретироваться обратно в уютную берлогу, но сидеть дома было равносильно добровольной пытке.

Проверив заряд телефона и наличность в кармане, я надел новые носки, кроссовки и вышел на улицу. Обувь подарила мне ни с чем несравнимое ощущение комфорта, никогда не думал, что изобретение обуви так много дало человечеству. Чувствовать под ногами всегда одну и ту же мягкую

поверхность, а не разнообразие покрытий было божественно. Наступать не опасаясь холода, пыли, камней и песка, не чувствовать мелких перепадов высот и шершавой поверхности асфальта это восхитительно.

Страшно было даже представить что было бы, выйди я на улицу босиком и как только мне могло это в детстве нравиться? Ведь я помню, как носился по улицам без обуви жаркими летними днями, как ощущал газонную траву под ногами, как касался раскаленного асфальта и он был таким горячим, что стоять на нем долго не получалось.

Я даже вспомнил ощущения, когда наступаешь босыми ногами а грязную илистую лужу, точно не припоминая где именно это было в городе или на берегу какого-то озера или водохранилища. Теперь я понимал, что под ногами была скользкая глина, но в то время для меня это была просто мокрая земля, которая прилипала к ногам, просачивалась между пальцев и забавно скользила под пяткой.

Выйдя во двор, я посмотрел по сторонам, прямо передо мной высилось здание “всего понемногу”, тут были офисы мелких компаний, чьи вывески загромождали вход, словно пчелы облепившие узкий лаз в улей. Тут же были мелкие магазины со всевозможными товарами и даже пара кофейн. Кофе у обоих был так себе, можно сказать “на любителя”, ближайшая кофейня всегда жадничала, от чего напиток получался со слабеньким вкусом, но неизменно горячим. Однажды я так сильно обжег язык их кофе, что два дня не чув-

ствовал вкуса совсем. Вторая тоже жадничала, но по другому, их бумажные стаканчики внутри были ощутимо меньше чем снаружи, от чего самый большой стакан с кофе оказывался средненьким по размеру, но со вкусом было получше.

Кофе пить мне было страшно, все же близился вечер и как отреагирует мой организм на кофеин я не знал, а сегодня мне надо было поскорее уснуть. Алкоголь тем более я боялся употреблять, если завтра утром ничего не изменится, то похмелье будет тем еще испытанием.

Справа от меня находился проспект, самый настоящий с кучей полос движения, такой же кучей автомобилей и автобусов, а следовательно делать там было нечего. Как шумят автомобили я прекрасно слышал от сюда, а уж как и чем они пахнут тем более. Странно, я раньше как-то мало уделял внимания запахам и вкусам, для меня они все делились на приятно и неприятно. Быть может именно поэтому сейчас они врываются в мой мозг на коне с гордо поднятыми знаменами и по очереди захватывали мое внимание?

Слева был небольшой парк, он остался тут с незапамятных времен, рассказывают, что когда Москва только строилась, на месте этого парка была чья-то усадьба. Потом, после революции, усадьбу сожгли, а парк решили оставить. Каким чудом до сих пор никто не удосужился продать этот клочок земли под точечную застройку оставалось тайной за семью печатями.

Тем не менее, парком все активно пользовались, тут гуля-

ли мамыши с колясками, искренне надеясь, что деревья вокруг выделяют кислород и чистый воздух полезен для ребенка, а проспект в сотне метров отсюда никак не влияет на химический состав. Тут же бродили пожилые парочки, для которых прогулка по парку значительно лучше и приятней телевизора с его бесконечными рекламными блоками, а увеселительные заведения им и вовсе давно неинтересны.

Для себя, я отметил тишину, большое количество деревьев хоть немного, но перекрывало городской шум и он меньше терзал мои, внезапно возомнившие себя центром вселенной, ушные перепонки. Птицы продолжали петь, в траве беспрерывно шебуршали насекомые бегущие по своим важным делам, а где-то на пруду плескалась рыба, а быть может это барахтались утки. Но все это было приятным на слух, эти звуки не резали меня на части, не требовали моментальной реакции и действий, они словно мягкий ковер стелились под ногами не мешая при этом ходить.

Я спустился по небольшой лесенке, держась рукой за старые металлические перила, чувствуя под пальцами несколько слоев краски, местами облупившейся и покрашенной прямо поверх старых проплешин. Перила явно были сделаны из какой-то гнутой трубы, но настойчиво прикидывались старой, кованной, чугунной оградой.

Я неспешно шагал по узким асфальтированным дорожкам, мимо лавочек, которые явно разрабатывал дизайнер, но не человек. Брус квадратного сечения перекинутый между

ножек из толстого металла не были рассчитаны на мягкое место обычного человека. Ради интереса я присел на одну из них и подтвердил свои опасения, скамейка была твердой, это был не диван и даже не мой кухонный стул, бревна были совершенно плоскими и являлись скорее просто ограничителем падения.

Единственным плюсом, который я нашел в этой скамейке, это ее долговечность. Бревна были прикреплены сложной стальной скобой, которую ни открутить ни сломать было невозможно. А сам брус был такой толщины, что даже если его как-то оторвать от основания, практической пользы это не принесет. Использовать его в качестве дубинки не получится, все на что он мог хоть как-то сгодиться, так это быть шпалой. Видимо дизайнера попросили соорудить что-то на чем можно было бы сидеть и при этом не опасаться, что вандалы смогут как-то это испортить.

Воздух в парке по прежнему пах выхлопными газами и цветами, но зато, исчез привкус цемента и горелого металла, что говорило о моей удаленности от ремонта моих соседей. А еще пахло сладкой ватой, я понимал, что на самом деле это был запах горячего сахара, но все называют его запахом сладкой ваты. Я покрутил головой и действительно, в сотни метров от меня, на соседней дорожке стояла тележка со сладкой ватой и какими-то напитками.

Вату мне сейчас совершенно не хотелось, да и пицца на вечер была уже заказана, а вот напитки меня заинтересова-

ли. Интересно, каким образом отреагирует мой организм на этот химический коктейль, неужели я наконец-таки смогу распознать из чего делают лимонад?

Я встал со скамейки, одновременно ощущая, как легкий ветер погнал мне на встречу прошлогоднюю листву по асфальту и та зажурчала перекатываясь по камешкам. Где-то позади меня скрипело колесо у коляски и своей монотонностью оно меня раздражало, но не могу же я ходить же по парку с масленкой, как супермен-смазыватель, который помогает бедным колесам свободно крутиться. Мимо меня проехал велосипед и я четко услышал, как водитель переключил передачу, от чего цепь звонко щелкнула перескакивая с одной шестерни на другую. У него дребезжало заднее крыло, периодически цепляясь за резину, от чего начинало жужжать, когда терлось по протектору.

Дойдя до того места, где продавали напитки, я осознал, что самый кратчайший путь был по прямой через газон с деревьями. В принципе он никак не был огорожен и когда-то давно, возможно, представлял собой кусок леса, а ходить по лесу не возбранялось. Обходной путь был долог, надо было дойти до места перекрестия дороги на которой сейчас находился я и соседней, а мне было лень.

Я смело шагнул в сторону от асфальта и тут же понял выражение “шумный как лось”. Пока я шел наперерез, под ногами беспрестанно хрустели мелкие ветки и сминаемые старые листочки. Я, наверное, раздавил по меньшей мере с де-

сяток жучков паучков и всяких улиток, по крайней мере так я воспринимал услышанное. Стараясь выбирать место куда ступать как можно тщательней, я постоянно производил кучу шума. Быть может именно так воспринимают городского жителя в тайге, когда он впервые идет с местным лесником или егерем по лесу.

Миновав зеленую полосу, я чувствовал себя пристыженным, мне казалось, что весь парк сейчас смотрит на меня и молчаливо ждет, когда же я прекращу этот погром среди бела дня и наконец-таки перестану шуметь. Но всем было все равно.

Продавщица, пряталась в тени зонтика, что колыхался на ветру и хлопал свисающими краями по туго натянутой части. Она сидела на простеньком пластиковом стуле, периодически пересаживаясь, от чего ножки скрипя по асфальту старались найти устойчивое положение, словно атланты удерживая ее вес на своих плечах. От тележки шел жар, видимо она раскалилась на солнце, а быть может это было просто следствием работы холодильника.

– Простите, у вас есть лимонад? – поинтересовался я, дабы как-то привлечь к себе внимание.

– Все, что есть стоит на прилавке, выбирайте, – пробубнила она, не отрываясь от телефона и даже не подняв на меня глаза.

– Мне бы холодный, если можно.

Продавец подняла на меня глаза и принимая неизбеж-

ность вставить, глубоко вздохнула. От нее пахло странными духами, видимо это должен был быть запах роз, но он был столь интенсивным, что никаких уважающие себя розы так пахнут не будут. На проволоке сбоку висело несколько шаров сладкой ваты разных цветов и я убедился, что именно этот запах я почувствовал издали.

Женщина распахнула один люк холодильника и меня обдало холодом, словно она открыла проход в какой-то ледник или тайную пещеру. Света там внутри не было, а потому я слабо видел что именно она там рассматривает.

– Есть Тархун, Ситро и вода холодная – отчетливо проговорила она в люк, а затем вопросительно посмотрела на меня, ожидая моего решения.

– Тархун давайте. А колы нет? – удивился я, все еще надеясь разложить ее вкус по полочкам.

– Кола только комнатной температуры, – показывая на бутылочку на прилавке прокомментировала она.

Я взял бутылку в руку, дабы измерить температуру и гладкая стеклянная поверхность плотно легла в мою ладонь, она была прохладной, но не холодной, впрочем на вкусе это не должно было сказаться.

– Давайте Тархун и колу, – решил наконец я и протянул деньги.

Вторая бутылка была явно холодней первой, но она не промораживала руку, как это бывает, если, например, вынуть лед из холодильника. Я поблагодарил продавца, после

чего она все так же села на свой пластиковый трон, и побрел искать другую скамейку.

В отличии от той дорожке, по которой я начал свою прогулку, эта располагалась прямо по солнцу, от чего ни слева ни справа невозможно было найти тень, а асфальт был горяч. Не смотря на то, что солнце было позади меня, я чувствовал тепло исходящее снизу, словно шел по раскаленному песку пустыни, не хватало только миража где-то впереди. Идти снова напролом, я не решился, а потому дошел до перекрестка и свернул налево, по улочке, что вела к той самой лестнице, по которой я пришел в парк.

Где-то далеко впереди зашумел перфоратор, который теперь не расстреливал мои уши, а лишь напоминал о себе и предупреждал, что территория моей квартиры все еще находится под атакой. Дойдя до ближайшей скамейки в тени, я присел на нее и сразу же услышал странный шорох, он доносился откуда-то справа из середины парка. Звук был такой, словно стальной шар или даже несколько, катился по гладкой металлической поверхности.

Но он был прерывистым, кто-то бросал шар, тот прокатывался примерно с метр или два и его подхватывали, затем бросали вновь. Я всмотрелся вдаль, но ничего подобного не увидел, а затем из-за угла выехал парень на роликовых коньках. Каждый раз, когда его ролики касались по асфальту, они начинали шуметь, а в редкие моменты, когда он ехал на двух ногах, они шумели в унисон. Странно, что я не смог распо-

знать такой простой звук сразу, подумал я.

Поскольку кола была теплее, я решил начать именно с нее, пока она окончательно не нагрелась и не превратилась в горячую. С самого детства я помнил этот вкус, когда мы выезжали куда-то отдыхать и банка колы лежала на солнце, она становилась другого вкуса. Ее можно было пить, она не взрывалась в руках, вопреки расхожему мнению, но у нее был совершенно иной вкус.

Я упер край крышки в металлическую скобу и резким ударом открыл бутылку, как делал это ни раз, но звук меня удивил. Раньше я не обращал внимания, но оказывается, до того как открыться, крышка скрипит скользя металлом по металлу. Ладонь сразу отреагировала на резкую нагрузку и попросила больше так не делать, а бутылка радостно запузырилась, выдавая углекислый газ в атмосферу с запахом колы.

Поднеся бутылку поближе, я принюхался, напиток пах точно также, как и прежде, никаких сюрпризов не случилось, за исключением того, что я попутно чувствовал прохладное стекло бутылки и запах каких-то цветов вперемешку со слабым запахом выхлопных газов. Морально подготовившись ко всему, я сделал первый глоток, напиток был кисло-сладким и щипал язык. Казалось бы все как обычно, ничего особенного, но в этот момент я вспомнил как впервые попробовал колу. Точно такие же ощущение были у меня в тот момент.

Возможно виной было мое состояние и тогда и сейчас я

не знал чего мне стоит ожидать, какая она будет на вкус, чем это для меня закончится и что будет после. Из чего сделан напиток, я так и не понял, он был слишком сладкий и слишком газированным, чтобы я мог хоть что-то разобрать. Да и я был не самым лучшим тестером, для меня все эти “отдаст красным деревом” или “с привкусом базилика” не больше чем тарабарщина. Каждый раз, когда я слушаю заявление дегустаторов, мне кажется, что они просто выпендриваются друг перед другом, щеголяя познаниями редких вкусов и запахов.

Дальнейшее испытание напитка не привело ни к чему новому, а потому я просто допил эту маленькую бутылочку и выбросил ее в урну. Бутылка громко звякнула ударяясь о стенки, а затем с шуршанием упала на дно, подминая под собой какой-то мусор.

Я задумался, чего мне сейчас больше хочется, вернуться домой или побродить еще немного? С одной стороны, в парке как-то спокойней, а мои новые ощущения не бьют тревогу и не терзают мою нервную систему призывом спрятаться и укрыться от “всего этого ужаса”, вроде перфораторов, пыльных полов и жирных поверхностей. С другой стороны, тут я дальше от туалета, постели и прочих даров цивилизации, если мне внезапно станет плохо, я буду выглядеть по меньшей мере странно.

Пока я размышлял над этим, у меня начал вибрировать телефон, номер был мне незнаком и потому я с опаской от-

неся к звонку. Мне почему-то показалось, что это звонили из института и я мысленно приготовился объяснять, что у меня есть освобождение и я принесу его буквально в понедельник.

– Алло? – спросил я, как только поднял трубку.

– Это курьер, буду у вас минут через пятнадцать, – ответили мне.

– Курьер? Зачем?

– Вы пиццу заказывали? – удивился незнакомый голос.

– А, пицца, да, конечно везите, я сейчас буду дома, – быстро сообщил я и положил трубку, запоздало понимая, что он что-то начал говорить.

Когда я дошел до подъезда, мне вновь позвонили с незнакомого номера и я догадался, что курьер действительно что-то хотел уточнить.

– Здравствуйте, это курьер.

– Да, я догадался, – ответил я.

– Буду у вас минут через тридцать.

– Стоп как это тридцать, вы же говорили пятнадцать? – опешил я.

– Я? – удивился курьер, – я вам впервые в жизни звоню.

– Странно, ну хорошо, давайте через тридцать минут, я буду дома.

Положив трубку я пытался понять, как так вышло, неужели мое состояние как-то странно сказывается на память и я неправильно запомнил первый звонок? Дойдя до подъезда, я

посмотрел вверх, оценивая как далеко от меня идет ремонт, но с улицы было ровным счетом ничего не видно. Все окна выглядели совершенно одинаково, нигде не летела пыль столбом и никаких мешков со строительными материалами не виднелось на балконах.

Я рванул дверь подъезда на себя и снова почувствовал запах прокуренного помещения, догадываясь, что главный виновник этого все тот же сосед, который даже летом ленится выйти на улицу. В подъезде было тихо и мои шаркающие шаги отдавались многократным эхом от стен, от чего начинало казаться, что я иду в какой-то пещере. В тот самый момент, когда я вставлял ключ, перфоратор решил напомнить о себе и выдал пронзительную очередь.

Пустой подъезд и перфоратор сделали невозможное, благодаря многократному отражению звука, звук перестал быть простым и грубым, превратившись в сложную симфонию разных частот. Мне это напомнило момент из фильма “Война миров”, когда просыпались треножники. Я замер, прислушиваясь к отзвукам прозвеневшего перфоратора, но он звук больше не повторялся. Вот почему так, только стоило мне найти что-то прекрасное в ужасном, как оно тут же прекратилось?

Я постоял какое-то время у двери, ожидая повтора чудного звука, но в итоге закрыл дверь и скинул кроссовки. Ноги сразу почувствовали прохладу, пол показался приятным и холодным на ощупь, хотя в квартире было достаточно тепло.

Мне нравилась поздняя весна и начало лета, когда температура позволяла лишь обуваться перед тем, как выйти на улицу. Пройдя на кухню, я потрогал рукой стеклянную поверхность чайника, он еще не до конца остыл, но уже не способен был заваривать чтобы то ни было.

Плеснув себе в стакан теплой кипяченой воды, я услышал шум от соседей, там был какой-то скандал, кто-то громко ругался и периодически что-то хлопало. Быть может это была дверь или окно, а может просто кто-то стукнул в сердцах стулом по полу. Я принялся пить воду, чувствуя запах кипяченой воды, он был такой странный, как будто нюхаешь накипь. В горле сразу запершило, видимо какие-то маленькие частички накипи все же плавали в воде.

В воздухе продолжало пахнуть водой и паром из ванной, с привкусом синтетического цветочного аромата и совсем чуть-чуть вездесущего ментола. Я закрыл дверь и в этот момент опять зазвонил телефон.

– Алло, это курьер, какой у вас код от подъезда?

– Три белых кнопки, – ответил я, не помня точно цифр.

– Как это три белых? – удивился курьер.

– Ну там все кнопки грязные, а эти три блестят, просто нажмите их одновременно, – произнес я и услышал, как щелкнул замок. – Отлично, жду вас, – добавил я и отправился открывать дверь квартиры.

Как только я распахнул дверь, мне в нос снова ударил запах старого табака, бетона и болота, уж откуда взялся этот

мерзотный влажный запах непонятно. Курьер поднимался по лестнице, я слышал его тяжелые шаги и когда он поднялся, то понял почему. У него за спиной была огромная квадратная коробка, в которой находилось по меньшей мере пятьдесят разных пицц.

Как только он распахнул свой “рюкзак”, я почувствовал смешанный запах пекарни и сыра, сложно было сказать какой именно пиццей пахло сильнее, скорее это был просто запах свежей выпечки. Курьер достал одну из коробок и протянул ее мне:

– У вас оплачено? – уточнил курьер и я молча протянул ему плотную и чуть замасленную на ощупь купюру.

– Вот, спасибо, сдачу оставьте себе, – быстро проговорил я, поскольку мой нос начал бить панику и просил прекратить мучать его всеми этими запахами.

Коробка была теплая и шершавая на ощупь, но не такая как обложка блокнота, приятней. Я закрыл дверь, блокируя часть неприятных запахов и отнес коробку на кухню, где она сможет на равных правах конкурировать с надоевшим мне запахом вчерашней лапши. Есть пока не очень хотелось, но я понимал, что есть надо, это же пицца! Чем дольше она лежит тем невкуснее становится, любой кто ел горячую пиццу хоть раз расскажет, что обжигаться сыром и глубоко дышать стоит того, чтобы есть сразу.

В холодильнике стоял лимонад, что принес с собой из парка, это был тот самый тархун, что я не успел выпить и сейчас

он был как никогда кстати. Бутылка была холодной и тяжелой, а крышка в виде кольца была забавной на ощупь, словно ее изготавливали сразу на бутылки, а затем прилепили к ней кольцо, ради смеха.

Я дернул за кольцо, как всегда делал это ради звука и тархун звонко “чпокнул” в ответ, словно это был вовсе не лимонад а какое-то шампанское. Коробка с пиццей была традиционно огромной, хотя в ней было больше пустоты, чем наполненности, но это не важно. Раскрыв коробку, я в полной мере ощутил запах свежего запеченого теста, томатного соуса, грибов и сыра. Как это ни странно, но ветчина практически не добавляла запаха, скорее я просто ее видел.

Отделив горячий треугольник, который был пыльный на ощупь из-за муки, что прилипла еще до выпекания, я наблюдал за тем, как сыр тянется за кусочком пока я вытаскивал его из коробки и в этот момент раздался звонок телефона.

– Алло, это курьер, – раздалось в трубке.

– Да, слушаю вас, вы что-то забыли? – удивился я.

– Подскажите, какой код от двери? – словно не слыша меня, продолжал курьер.

– Три белых кнопки, в смысле три чистых кнопки... – пробубнил я, чувствуя, что начинаю сходить с ума.

Прямо передо мной лежала пицца, и вот опять... И тут до меня дошло, я же заказывал две пиццы, чтобы сравнить их! Вот почему мне дважды звонили разные курьеры и говорили почти одно и то же. Ну само собой они везли пиццу с разных

сторон и приехали в разное время.

Я поспешил открыть дверь и вновь ощутил этот тухлый запах из подъезда, похоже где-то под домом прорвало трубу и там теперь целая лужа. В отличии от предыдущего курьера, этот резво пробежал по ступенькам и сходу вручил мне коробку в полиэтиленовом пакете. Я расплатился, поблагодарил его и поспешил закрыть дверь. Пакет был скользким и теплым на ощупь, надо было поскорее сравнить эти пиццы.

Коробка была сделана из коричневого, переработанного картона. Как я об этом узнал? Это было написано откровенно огромными буквами со всех сторон, видимо это было главное качество этого картона. В остальном он был точно таким же, как картон с обложки блокнота: грубым, царапающим пальцы и твердым. Я раскрыл коробку, но особого изменения в запахе не случилось.

Наконец-то можно было попробовать обе пиццы и проверить чем же они так сильно отличались, что стоили совершенно по разному.

Сначала я откусил от той, что была принесена первой и стоила дороже, кус был странным. Сыр был совершенно безвкусным, но тесто и ветчина были в самый раз. Кусок, что я успел вытащить уже немного остыл и не обжигал язык и небо, можно было легко съесть весь кусок сразу. Больше всего мне понравилось тесто, что было по самому краю, оно оказалось пышным и солоноватым.

Вторая пицца и впрямь оказалась другой. Сыр был соле-

ным настолько, что казался не сыром вовсе, а вот грибы и ветчина были сделаны словно из парафина, у них не было вкуса совсем. В итоге можно было сказать, что идеальной пиццы не получилось ни у кого, но первая мне определенно больше понравилась.

После второго треугольника я решил запить все это тархуном и сделал несколько больших глотков, даже не ожидая подставы, но она случилась. Тархун оказался вовсе не так прост, каким казался. Для начала я почувствовал сахарозаменитель, уж не знаю к чему стремился производитель этого напитка, но вкус был с горчинкой, а вместо ожидаемого тархуна был только запах. В сравнении с колой этот напиток буквально расслаивался на воду, запах и сахарозаменитель.

Я убрал его обратно в холодильник и налил себе воды из чайника, уж лучше запивать этой “пыльной водой”, именно так мой организм окрестил сейчас кипяченую воду.

Запах пиццы старался вытеснить все остальные, но получалось у него плохо. Вонь из подъезда каким-то образом проникла в квартиру, я даже обнюхал свою одежду, но источником оказалась картонная коробка из под пиццы. Пришлось избавиться от нее упаковав в полиэтиленовый пакет и завязав на узел. Ко второй коробке претензий не было, она пахла картоном, как любая уважающая себя бумага. Переложив все остатки в нее, я убрал ее в холодильник, мимоходом отметив, что фреон все же оставляет свой след где-то внутри и не мешало бы разморозить холодильник и помыть его, но

ПОТОМ.

Прибравшись на кухне и даже протерев пол тряпкой, чего я вообще старался не делать, я решил, что пора бы и поспать. Все же день выдался сумбурный и какой-то хлопотный, несмотря на тупое времяпрепровождение, организму надо было отдыхать.

Скинув одежду, я решил забросить ее сразу в стирку, дабы не провоцировать свои рецепторы, но нашел там постельное белье, которое уже отстиралось и даже высушилось. Конечно, у меня была не самая современная стиральная машина, но функция сушки очень помогает студентам избавиться от лишней заботы и глаженной одежды одновременно.

Вынув чуть влажное на ощупь белье, я развесил его как смог на шкаф, дверь и диван. Запах стирального порошка был не таким сильным, как я боялся, и с ним можно было смириться. По крайней мере, он был не в пример слабее запаха пиццы и не такой противный, как запах сигарет. Я улегся в чистую, пахнущую свежестью и пылью кровать и закрыл глаза, в надежде, что снижение раздражителей приведет меня ко сну.

Сначала простыня показалась мне слишком грубой на ощупь и после нескольких попыток смириться, пришлось снять ее с матраца и как следует измять, скручивая на манер отжимания тряпки. После чего начались бои с подушкой, она была одновременно слишком жесткой и давила на ухо и при этом слишком мягкой, потому что проваливалась

под головой. Но с подушкой было все проще, достаточно было ее взбить и все.

Последним бастионом неповиновения стало одеяло. Оно было тяжелым, тонким, горячим и колючим одновременно. Я убеждал себя, что все это мне кажется и прежде я отлично спал под ним и не жужжал. Последнее, что я запомнил, это цифры на телефоне 03:17, в этот момент я проснулся от того, что мне слишком жарко, открыл балконную дверь и откинул одеяло. Мне очень повезло и ночью не было комаров и прочей живности, а быть может меня спасла тонкая тюль, преграждающая им путь. Я решил обязательно записать этот несчастный опыт в блокнот утром и спокойно уснул. Больше я вроде как не просыпался, до самого утра, по крайней мере осознанных пробуждений не было.

Пробуждение

Проснувшись, я первым делом прислушался к себе, мне было крайне интересно осталось все как было или я стал “нормальным”. Впрочем, о нормальности можно было еще поспорить, все же запах дождя или шелест листвы это не самые плохие ощущения и то, что мой мозг их блокирует как “неважные” меня раздосадовал.

Судя по звукам, все осталось на прежнем месте, я отчетливо слышал как по улице едут машины, как тархтит компрессор холодильника, что интересно он так усиленно замораживает? И даже слышал как кто-то быстро сбегает по ступенькам, шаги были легкие и звонкие, скорее всего это бежал какой-то мальчуган или девчушка, торопясь на улицу исследовать целый мир вокруг.

– Блин, опять... – просипел я пересохшим языком.

Судя по всему я немного остыл ночью, когда распахнул балкон, потому как нос был катастрофически забит и дышал я ртом. Несущественная проблема и не первый раз я просыпался с онемевшим от пересыхания ртом.

Я открыл глаза и осмотрел свою комнату, все было как обычно, впрочем, я и под действием препарата и без него не заметил особой разницы в зрении. Видимо все, что я видел и так всегда занимало первое место в моем мировоззрении.

Поднявшись с кровати, я закрыл балкон и уставился на

шкаф с одеждой. Если уже все хорошо и я иду в институт, то надо одеваться как на улицу, а если все плохо, то можно не усердствовать и одеться как попало, лишь бы было удобней. Рано или поздно любая одежда превращается в “домашнюю” – это такая одежда в которой просто стыдно выходить на улицу, но при этом нормально если кто-то увидит тебя в ней дома.

Припоминая слова Михаила Павловича, я решил не ходить в институт даже если уже все хорошо, он, кстати, просил записать еще и какой-то обратный процесс, интересно что именно он имел ввиду?

Осмысливая все это, я неспешно оделся в домашнюю одежду, проверил, что никто мне не звонил и не потерял и отправился на кухню. Тронув рукой по привычки чайник и убедившись, что он холодный, я допил остатки кипяченой воды, освобождая свой язык и губы от сковывающей их засухи. Было такое ощущение, что весь рот покрыт тонкой пленкой из рисовой бумаги и когда на нее попадает вода, она сначала медленно намокает, а лишь потом смывается. Я поставил пустой чайник в раковину и открыл кран, вода из под крана была не лучшим выбором, но выпендриваться с бутилированной у меня не было никакого желания. Водрузив полный чайник на трон и включив его, пришлось отправляться чистить зубы.

Как ни старался я отложить пытку ментолом, ничего не вышло, запах изо рта меня убивал еще сильнее и надо было

что-то с этим делать. Я глубоко вдохнул, задержал дыхание и мужественно вошел в ванную и сходу открыл воду. Вчерашний день оставил море воспоминаний и чистка зубов была одним из самых ярких.

Выдавив пасту, первым делом я просто коснулся щеткой зубов. Было странно, я чувствовал щетку, но не так как вчера, а скорее как обычно. Выдохнув, я спокойно почистил зубы и умылся. Вкус мяты меня больше не терроризировал, а скорее лишь напоминал о своем присутствии.

Покончив с умыванием и прочими процедурами, я вернулся на кухню. Привычно глянул в окно, подхватил чайник и налил в кружку кипятка. Предыдущий пакетик был признан негодным и выброшен, а новый по праву занял его место.

Глядя в окно, я придирчиво инспектировал свой организм, я по прежнему ощущал прохладный пол под ногами, лбом чувствовал гладкую поверхность стекла, а на улице стоял привычный утренний шум автомобилей, что спешили по своим делам. Я взял чашку чая и отхлебнул немного, от чего мой язык завопил от обиды, точнее от ожога и обиды.

Странно, чашка и правда была горячей, но я как-то не придал этому значения, неужели вещество перестает понемногу действовать и вот-вот все станет как всегда? Я взял телефон и посмотрел на часы, идти в институт было уже поздно, разве что ко второй паре, но раз мне выпишут официальный документ, то и ко второй паре идти было лень. Тем бо-

лее, что я не мог гарантировать своего адекватного восприятия на протяжении всего дня.

Вместо института, я решил записать в блокнот то, что успел заметить с утра, относительно моего вчерашнего дня.

Прежде всего это снижение общего фона, меня как-то меньше раздражала действительность, она стала более “плоской” что ли. Если вчера я одновременно слышал, чувствовал и видел, то сейчас я уже мог выбирать что мне нравится больше и выделял только одну гамму ощущений. Но одновременно с тем, я не могу сказать, что все стало как было прежде.

Язык продолжал ныть и я открыл холодильник в поисках чего-нибудь прохладного, чтобы его успокоить. На глаза попала бутылка вчерашнего тархуна и остатки пиццы, что было очень кстати. Я засунул пиццу в микроволновку и сделал большой глоток напитка, ожидая неприятных ощущений “расслоенной жидкости”, но ничего подобного не случилось. То ли тархун за ночь хорошо перемешался, то ли я стал менее придирчиво относиться ко всему после того как обжег язык, напиток был просто сладким с приятным запахом. Да, я чувствовал в нем сахарозаменитель, но где-то на самой кромке ощущений, словно кто-то подсказывал мне шепотом: “это не сахар”.

Даже странно, вчера мне показалось, что этот напиток пить невозможно, неужели я так сильно изменился? Или это чувствовалось на фоне колы, в которой был обычный сахар.

В этот момент раздался пронзительный писк микроволновки и я достал горячую и временно съедобную пиццу себе на завтрак.

Вкус не сильно изменился, одна по прежнему была чуть солоноватой и ничем не пахла, втора почти пресная, но с запахом грибов и ветчины. Быть может вчера она просто была свежей и от того понравилась мне больше, сейчас это была просто “еда”. Без особых изысков и интересных привкусов – нечто, чем можно было утолить голод и на этом все.

Пока я жевал пиццу держа ее в одной руке, другой я методично записывал собственные показания. Описал разницу в напитках и в том, как я почистил зубы и даже упомянул о сниженной чувствительности к температуре, это я про кружку и обожженный язык. И в тот самый момент, когда я уже привык к шуршанию шарика по листу бумаги, я оглох.

Сначала мне показалось, что мне резко заложило уши, но с чего бы это вдруг? Я отложил ручку и хлопнул в ладоши, со слухом все было вроде нормально, я слышал как ручка покатилась и забарабанила по столу и свой хлопок. Прислушавшись к тишине, я встал и открыл окно, там тоже все было на месте, однако, ощущение заложенных ушей не проходило.

Я заткнул уши пальцами и звук действительно пропал, я даже вновь услышал биение своего сердца и как шуршит палец, когда его шатаешь в ухе. Все было вроде бы нормально и я решил это записать, а после все же позвонить Михаилу.

– Алло, – раздался знакомый голос.

– Здравствуйте, это Ярослав, я участвую в вашем эксперименте, – начал я обычное приветствие с объяснения кто я такой.

– Да, узнал, я ваш номер записал. Что-то случилось?

– Вы знаете, сегодня все не так, как было вчера, но меня испугало, что я внезапно оглох.

– Позвольте, но как, в таком случае, вы меня слышите? – удивился Михаил.

– Слышу прекрасно, но все эти шумы и прочее куда-то делось, вчера я слышал все и сразу, а теперь словно уши заложило.

– Это не уши заложило, Ярослав, это вы так всю свою жизнь слышали, просто отвыкли немного. А как ваше зрение, обоняние, осязание? Есть изменения?

– Зрение? – испугался я, не хватало мне еще и ослепнуть.

– Ну да, вы носите очки? Вам ничего не мешает, пятна какие-нибудь или что-то такое?

– Нет... – протянул я, – мне и раньше ничего такого не мешало и вчера тоже все обошлось, мне стоит опасаться этого?

– Не переживайте, это был единичный случай и, скорее всего, связан с индивидуальной особенностью другого пациента, у него очень слабое зрение и он носит очки, видимо это как-то сказалось на его ощущениях.

– Отлично, тогда я могу подтвердить, что ваше это вещество работает и если хотите привезу вам блокнот.

– А вот это вы молодец, что не испугались и не бросили

записи! – похвалил меня Михаил, видимо с ответственностью у других были большие проблемы. – Если хотите можете сегодня к вечеру приехать, судя по всему через пару часов вы полностью переработаете вещество и ваш организм очистится.

– То есть вы его что, испачкали?

– Не совсем так, но данный препарат определенно нарушал нормальную работу вашего организма, а потому воспринимался им как яд, от которого необходимо избавиться. Вот он и избавился, организм у вас молодой, иммунитет хороший, он быстро распознал чужестранца и расправился с ним, так что, вам переживать не о чем.

– Отлично, тогда я собираюсь и выезжаю.

– Позвольте попросить вас записать все, подождите еще час-два, чтобы убедиться и приезжайте, я вас буду ждать.

Я положил трубку и уставился на телефон, в институтских группах накидали больше сотни сообщений, но влезать во все это было лень, хотелось ничего не делать и просто вернуться в норму.

Как меня и просили, я записал все свои наблюдения, стараясь придерживаться официального языка, а затем оделся и отправился в парк. Мне показалось, что на свежем воздухе я приду в себя быстрее, да и чем мне заниматься дома? Я быстро спустился по ступенькам, вошел в парк и прислушался. Вокруг пели птицы, где-то далеко звонко просигналила машина, а прямо мне на встречу ехал велосипедист и

скрипел педалями в такт движений.

Все было как обычно, я слышал все звуки, но словно это было как в тот раз с запахами. Стоило мне посмотреть на что-то и я слышал как это звучит, а раньше я слышал все и сразу. Я добрел до той самой скамейки, что по моему предыдущему опыту была сделана из рук вон плохо и присел.

Как это ни странно, но мое отношение к ней ничуть не изменилось, это была не лавочка, а антивандальный памятник техническому дизайну мощи и стабильности. Ее невозможно было сломать или разобрать, помимо жестких скоб я заметил бетонное основание, которое весит по меньшей мере с полтонны. Все было сделано как говорится “на века” но без толики внимания к удобству.

Где-то далеко жужжал двигатель ветродуя, парень ходил по тротуарам и сдувал листву в сторону газона, впрочем, если это и впрямь был лес в прошлом, то старая листва пойдет ему только на пользу. Тележка с напитками располагалась там же, видимо она была прикована к розетке, торчащей из земли на коротком столбике, словно ненавязчивое напоминание о наличии цивилизации.

Я решил не шуметь в этот раз и отправился в обход по большому кругу, в надежде скоротать время. На солнце было заметно теплее и зонтик над продавщицей выглядел весьма гармонично, прикрывая и ее и часть холодильника от палящих лучей.

– Скажите, а мороженое у вас имеется? – поинтересовался

я, разглядывая преysкурaнт.

– Пломбир, шоколадное, в стаканчике, на палочке... – монотонно отозвалась девушка, не отрываясь от телефона.

– Можно пломбир на палочке?

– Или пломбир или на палочке, – пояснили мне, как маленькому ребенку.

– А если я хочу и то и другое?

– Тогда это будет эскимо, его сейчас нет.

– А что есть на палочке?

Продавец тяжело вздохнула, встала со стула и подойдя поближе распахнула одну из дверей холодильника.

– Вот, смотрите сами, все что есть перед вами, – указывая рукой вглубь, показала она.

Я рассматривал разноцветные брикеты и пытался понять как можно выбрать вкус по упаковке? Нет, я не дурак и понимаю, что лимонное скорее будет желтым, а шоколадное коричневым, но как понять какое вкуснее?

– Давайте вот это, – сказал я, вытаскивая какое-то красно-синее мороженое в простеньком пакете из вощенной бумаги.

– Отличный выбор, – совершенно безэмоционально произнесла женщина и взяла деньги.

– Оно правда вкусное? – удивился я.

– А я почему знаю, мне сладкое нельзя, я не пробовала.

Дальше я пошел поедая мороженое и старался себя не обляпать, возвращаться домой совершенно не хотелось. Все же

странно все это, мы выбираем дыни и помидоры по запаху, мороженое по упаковке, а пиццу по цене, при том что нюхать, рассматривать и продавать мы их не собираемся. Неужели это единственный способ донести хоть как-то иллюзию вкуса до нашего мозга на расстоянии?

Наверно в этом отношении сложнее всего продавцам напитков и духов, все бутылочки похожи, цвет можно сделать любой, а попробовать или понюхать с плаката не выйдет. И если какое-то время назад пробники духов появились в магазинах, а затем и в журналах, то с тем же вином все было намного сложнее. Представляю что творилось бы в магазинах, если бы там были бутылки-пробники. Многие просто перестали бы покупать, а лишь “дегустировали” каждый день.

Доев мороженое, я открыл навигатор и посмотрел как проще всего добраться до института. Судя по всему, мне стоило вернуться домой и только потом отправляться в путь, к тому же я вспомнил, что блокнот остался на кухонном столе, а без него мне будут не рады. Одно дело мои воспоминания и совсем другое задокументированные данные, что я старательно вписывал, невзирая на ужасный скрежет пластика и шуршание шарика.

До странного учреждения я добрался как и обещал через два часа. На проходной, как и в прошлый раз, никого не было, турникет был услужливо отключен, а его верхний элемент сложен так, что можно было пройти без проблем, что я и сделал. Поднявшись по знакомому мне маршруту, я от-

правился в кабинет где сидел Михаил Павлович, но там никого не было. Тогда я заглянул в соседний кабинет, где сидела Анна, что проводила тестирование и ставила мне укол, где я и нашел их обоих.

– Мне кажется, у нас слишком мало данных, – задумчиво произнес Михаил.

– Но мы не можем тратить все деньги только на испытания и тестирование, нам потребуется еще начать производство и внедрение.

– Производство начнут и без нас, если будет достаточно обоснований... – отмахнулся Михаил.

– Здравствуйте, – тихонько вклинился в разговор я и постучал костяшками пальцев по открытой двери.

– О! Уже добрались, пойдете, оформим вас до конца, блокнот, я надеюсь, при вас? – уточнил Михаил, быстро соскочив со стола, на котором сидел.

– Да, только я договор забыл, это важно?

– Договор? Нет, у меня есть копия, если вы сомневаетесь в сумме или хотите что-то оспорить, а так... Никаких отметок в него вносить не требуется.

Мы прошли в его кабинет, где он открыл уродливый несгораемый шкаф странного красно-коричневого цвета, именуемый в простонародье сейфом, достал из него пачку договоров и принялся искать мой, отгибая уголки по очереди.

– Простите, вы же у нас были позавчера? – уточнил он.

– Да, Ярослав, – быстро подтвердил я.

– Ярослав, Ярослав... – повторял Михаил, перебирая листки и периодически почесывая переносицу, – вот, нашел вас. И так, у вас была одна простая инъекция, ну, как впечатления?

– Не очень, – честно признался я, – как говорится: “Это был интересный опыт, но нет”.

– Ну, приятным он быть и не должен, скорее необычным, как я и предупреждал.

– Да уж... Я старался все записать, что успел почувствовать и понять, но кое что упустил, простите.

– Вот как? Вы наблюдали проблемы с памятью? Это очень нехороший симптом, если так... – немного испугавшись произнес Михаил и внимательно посмотрел на меня.

– Не с памятью, скорее мне просто было немного стыдно про это писать, мало ли кто будет читать потом мои записи.

– Ну это вы зря, мы записи анонимизируем. Часть отсюда, часть оттуда, чтобы никто ничего не понял, понимаете.

– Да, но блокнот то у вас останется, в общем там почти все, скажем так – все существенное там есть.

– Хорошо, я не настаиваю, возможно подробности вашей личной жизни и впрямь не нуждаются в излишней огласке.

Михаил пробежался по договору, затем вынул небольшую пачку денег и отсчитав передал мне.

– Пересчитайте, пожалуйста, я очень хочу, чтобы все было честно.

– Все верно, простите, а пропуск?

– Какой пропуск, там же открыто... – удивился Михаил.

– В институт, что я у вас был эти два дня.

– Ах, этот, запомятовал, простите, – Михаил убрал в шкаф пачку документов и выудил из глубины небольшой клочок бумаги, размером с половину стандартного листа.

Он быстро вписал даты, поставил подпись и покопавшись в ящике стола, достал и шлепнул печать.

– Ну вот, теперь вы не прогульщик, а социально ответственный гражданин, – улыбаясь произнес он и протянул мне освобождение от занятий.

Все дела были сделаны и можно было отправляться домой, я решил не торопится, а пройтись по улице, несмотря на мою избирательную глухоту и отсутствие полного восприятия, теперь я чувствовал себя намного спокойней. Меня больше не раздражали запахи, которые никуда не делись, а лишь замаскировались позади всего остального.

Проходя вдоль метро, я почувствовал тот самый непередаваемый “запах метро”, нечто среднее между запахом горячей резины и чем-то еще. Только если раньше меня это раздражало, то сейчас я воспринимал лишь начало запаха, а затем он словно растворялся в воспоминаниях.

Было бы удобно иногда переключаться в режим “всеобщего восприятия”, но жить в таком я бы не смог. Пока я чувствовал и ощущал все, мой мозг только и был занят всеми этими ощущениями, я толком не мог остановиться и подумать, осмыслить.

лить что-то, проанализировать. Все приходилось делать наскоку, только начнешь думать об одном, а тут еще два новых запаха, только понял что это, под ногами новая поверхность. Видимо когда-то в далеком прошлом это стало большой помехой и эволюция избавилась от этого недуга. Но, пытливым ум решил все вернуть обратно, не зачем-то, а просто чтобы посмотреть.

Все же очень хорошо, что природа выбирает не то, что интересней или забавней, а то, что практичней. Впрочем, у вомбата и утконоса я думаю есть несколько вопросов к создателю и дарвину.